

18+

СЕРГЕЙ РУЛЁВ

ЗАПАХ ЖИЗНИ

Сергей Рулёв

Запах жизни

«Издательские решения»

Рулёв С.

Запах жизни / С. Рулёв — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831253-3

Маленький городок оказался в центре внимания могущественных сил. «Маленькие» люди попали в круговорот событий, которые переворачивают их жизнь и весь мир вокруг. Катастрофа сплетает судьбы. Мир обновляется. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-831253-3

© Рулёв С.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть 1	9
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	20
Глава 4	24
Глава 5	32
Часть 2	37
Глава 1	37
Глава 2	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Запах жизни

Сергей Рулёв

© Сергей Рулёв, 2024

ISBN 978-5-4483-1253-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

«...Город спал.

Все жизненные процессы в нем затормозились, хотя и не прекратились совсем. Город – это такой же сложный организм, как и любое другое высокоразвитое существо. Человек спит, но часть его мозга все равно работает. Сердце, не останавливаясь ни на секунду, продолжает гнать кровь по артериям и венам. Легкие вбирают кислород, питая им каждую клеточку тела. И пусть во сне эти процессы идут медленнее, чем во время бодрствования, но они все-таки идут.

Именно этим отличается сон от смерти.

Как и любому другому существу, городу был нужен сон, ну а жизнь в нем не замирала ни на мгновение.

По улицам ездили редкие машины, горели фонари и неоновые вывески над магазинами. По проводам всевозможных размеров мчались токи больших и малых напряжений. Насосы качали из реки воду, загоняя ее в трубы, чтобы она попала в каждый дом. Текли под землей полноводные потоки канализации, неся обратно в реку отходы жизнедеятельности человека через неуспевающие справляться со своими обязанностями очистные сооружения.

Город жил.

По ярко и плохо освещенным улицам спешили домой запоздалые прохожие.

Возле ресторанов и гостиниц расхаживали не первой свежести проститутки, несмотря на уже поздний час все еще надеясь подцепить клиента.

Наивный алкаш матерился возле круглосуточного ларька, пытаясь добиться от продавца сдачи, а тот в ответ только усмеялся и грозился вызвать милицию.

На пятом этаже одного из домов при свете настольной лампы вдохновленный полной луной поэт строчил стихи своей очередной возлюбленной. А в том же самом подъезде, только на первом этаже, в закутке возле лифта, трое молодых оболтусов за шоколадку по очереди забавлялись с четырнадцатилетней девчонкой, родители которой в это время лежали в пьяном угаре среди пустых бутылок.

В подворотне на позднего прохожего, и не спится же некоторым, накинулась одичавшая, озверевшая от голода и постоянных побоев собака. Прохожий пинками и воплями отогнал ее, но в зубах у собаки остался изрядный кусок материи от его штанов, который она сначала выплюнула, а потом, словно опомнившись, с остервенением стала рвать на мелкие кусочки. Пользуясь моментом, прохожий поспешил убраться подальше от места, где глупое животное посмело нарушить многовековую субординацию

Хозяева одной из квартир на первом этаже панельной пятиэтажки неосмотрительно уехали в отпуск, и двое малолеток, воспользовавшись этим, осторожно, без лишнего шума, выдавили форточку и залезли внутрь, чтобы поживиться какой-нибудь мелочевкой. На перерабатывающем заводе, находящемся до неприличия близко к жилым кварталам, уснул измученный домашними неурядицами оператор ночной смены. Через час после аварийного выброса заметались в своих кроватках младенцы, задыхаясь от приступа аллергической астмы и доводя своих ничего не понимающих родителей до состояния истерики.

Город спал, ничего не подозревая...»

Не прекращающийся вот уже минут пять лай Цезаря, временами переходящий в завывания, заставил Кравцова отложить ручку. Мысленно выругавшись, он встал из-за стола и, накинув на плечи куртку, хоть и середина мая, но по ночам все еще прохладно – вышел во двор.

Тусклый свет лампы, включаемой на ночь над верандой, освещал небольшое пространство внутреннего дворика перед крыльцом.

Кравцов осмотрелся.

Полуночный мрак надежно укрывал все, что находилось чуть дальше десяти-пятнадцати шагов от крыльца. Туда не доставал свет стоваттной лампочки над верандой, а такие же лампы во дворах соседей вообще выглядели далекими и недостижимыми, как звезды.

И все равно – ни странной тени, ни подозрительного шороха, как ни вглядывайся и не вслушивайся. Вроде бы все спокойно, но Цезарь продолжал лаять... Кравцов подошел к нему.

– Цезарь, успокойся. Что это с тобой сегодня случилось?

Пес замолчал, недоверчиво повел мордой, после чего, ни о чем больше не раздумывая, бросился к ногам хозяина, которого уважал и любил все шесть лет, прожитых с ним, начиная с щенячьего возраста. Кравцов подобрал его в городе, жалобно скулящего, на груди объедков возле мусорных бачков. Тогда в маленьком пушистом комочке не было даже намека на будущую немецкую овчарку. Кравцов выкармливал его, обмотав марлей кусок хлебного мякиша, обмакивая все это хозяйство в молоко и давая щенку. Говорят, еще не так давно подобным способом выкармливали человеческих младенцев, у чьих матерей по каким-либо причинам пропадало молоко, или которые вообще лишились своих матерей. Страна за каких-то полстолетия прошла не через одну войну. Все это промелькнуло в голове Кравцова, пока Цезарь ласково, словно кошка, терся об его ноги. Он сел перед псом на корточки, взъерошил ему загривок и снова спросил:

– Что случилось, Цезарь?

Пес издал скулящий звук и несколько раз лизнул щеку хозяина, потом сел на задние лапы, и положил голову ему на колени.

– Успокойся, малыш, успокойся...

Кравцов гладил Цезаря, бока которого вздымались от напряженного дыхания, а глаза бегали из стороны в сторону, избегая прямой встречи со взглядом хозяина. Пес был чем-то сильно встревожен, если не сказать больше – напуган. Кравцов видел это, но никак не мог понять – почему? Ни человек, ни зверь не смогли бы напугать его верного друга. Кравцов снова внимательно осмотрел двор, пытаясь сообразить, что же могло заставить до такой степени перенервничать собаку. Никакой видимой причины он не нашел и еще раз взъерошив псу загривок, встал, собираясь идти обратно в дом. Однако через пару шагов внезапно остановился. Какая-то смутная догадка шевельнулась в сознании. До него, наконец, дошло, что он упустил одну деталь, когда осматривал двор. Одну-единственную, но, тем не менее, важную.

Тишина.

Абсолютная, неправдоподобная тишина. Не слышно даже шороха молодой листвы, обдуваемой легким ночным ветерком. Собственно говоря, и сам ветерок тоже отсутствовал.

Все это, конечно, было странным, но не настолько, чтобы разбудить настоящую тревогу.

Кравцов вновь посмотрел на своего пса. Тот сидел, плотно прижавшись одним боком к деревянной будке и задрав морду вверх и повернув ее в сторону города. Непроизвольно Кравцов тоже перевел туда свой взгляд.

Он даже и не сразу понял, что его так поразило. Небо было чистое, глубокое, без единого признака облачности, но... над городом не было видно ни одной звезды. Тьма в небе над городом как-то странно колебалась и казалась живой.

Кравцов перевел недоуменный взгляд на луну и не увидел ожидаемого ярко-желтого света. Словно сквозь невидимую полупрозрачную дымку она светила фиолетовым. Все звезды на западе имели точно такой же оттенок, а вот на востоке, где находился город, звезд не было видно вообще, хотя нет..., вот фиолетово мелькнула одна, но тут же пропала. Кравцов подумал было, что это ошибка напряженного зрения, однако вслед за первой в стороне моргнула еще одна звезда. Через несколько минут Кравцов убедился: звезды очень редко мигали, а не светили, как им положено.

От созерцания непонятного небесного явления Кравцова оторвал жуткий вой, раздавшийся, казалось, возле самых ушей. Кравцов вздрогнул и посмотрел на своего пса, нарушившего тишину.

– Цезарь! – окликнул он собаку. – Цезарь!

Вой давил на психику.

– Цезарь! – крикнул он через пару секунд. – Замолчи!

Пес не слышал. Он продолжал выть, и этот вой не просто действовал на нервы. Кравцов почувствовал, что начинает терять над собой контроль.

– Заткнись! – рявкнул он.

Однако и на этот раз слова не подействовали. Собака просто не желала его слушать. Задрал голову к небу, пес самозабвенно выводил мотив древней песни своего племени, в которой были тревога, страх и тоска.

Кравцова охватило страшное раздражение, за которым, как не убеждай себя в обратном, скрывались те же эмоции, что слышались и в вое собаки. Он нервно прикрикнул на пса еще раз, но окрик утонул в оглушающем вое. Это вслед за Цезарем все соседские собаки подхватили заунывный мотив.

Неизвестно откуда появившаяся волна первобытного ужаса, граничащего с паникой, захлестнула сознание Кравцова. Он пошатнулся и, затравленно оглядываясь, кинулся в дом. Дрожащими руками защелкнул замок, прислонился спиной к двери, дыша так, будто за ним только что гнались все дьяволы ада. Вполне возможно, так оно и было, ведь потусторонние силы не всегда облакаются в материальную оболочку.

Привычная и родная обстановка дома постепенно успокоила его, и он с содроганием подумал о только что пережитом чувстве.

А собачий вой не прекращался, пробиваясь сквозь стены и закрытые двери, и вызывая неприятный кожный озноб.

Кравцов выругался про себя и, пройдя в свою комнату, сел за стол. Он взял ручку и тут же отбросил ее в сторону. Взгляд скользил по строчкам, не улавливая в них никакого смысла. Буквы, слова, снова буквы. Ничего больше.

В голове носились какие-то обрывки мыслей, но все они служили только фоном для видения задранной в небо морды Цезаря.

Внезапно вой прекратился. словно кто-то всемогущий легким поворотом пальцев выключил звук. «Или я оглох», – как-то безучастно подумал Кравцов.

Буквально через секунду сильный порыв ветра распахнул окно и, ворвавшись в комнату, разметал по ней сотни листов рукописи. Кравцов поднялся было из кресла, чтобы закрыть окно, но вновь вырвавшийся из тысяч собачьих глоток вой кинул его обратно в кресло, заставив сжаться и закрыть руками уши.

В эти мгновения Кравцову показалось, что внезапно ожили все те кошмары, о которых он столько писал в своих книгах.

Тысячи собак в городе и его окрестностях, домашних и выкинутых на улицу, задрал к небу морды, выли на свою судьбу. Сотни тысяч ворон и голубей покинули свои убежища на чердаках, чтобы огромной живой тучей закрыть над городом небо. Даже крысы в своих норах метались так, словно сошли с ума.

Что-то произошло в природе, заставив все живое содрогнуться и затрепетать от ужаса.

А город еще спал.

Часть 1

Глава 1

Сашка ехал на работу в переполненном автобусе, умирая от духоты и давки. Ему было плохо, так плохо, что просто не было никаких сил отвечать на многочисленные толчки, которым его несчастное тело подвергалось со всех сторон. В другое время и, главное, в другом состоянии он обязательно ответил бы на подобное безобразие как подобает. Сейчас же он просто прижался лбом к стеклу задней площадки, чувствуя, как от каждого толчка локтем или чьей-нибудь слишком здоровой задницей тупая пульсирующая боль отдается в затылке. Иногда, когда автобус особенно сильно подкидывало на какой-нибудь колдобине, желудок его начинал бунтовать, и в довершение ко всем вышеперечисленным неприятностям ему еще приходилось сдерживать тошноту, подступающую к самому горлу.

Наконец, водитель объявил нужную остановку, и Сашка стал пропихиваться к выходу.

Вырвавшись из автобуса, он судорожно вздохнул, подавляя очередной желудочный спазм и, слегка пошатываясь, вместе с толпой других работяг двинулся в сторону базы «Автодора».

Сразу же за воротами базы его встретил хмурый бригадир.

– Зенцов, опять опаздываешь.

Сашка равнодушно кивнул головой. У него не было сил спорить, да это было и не нужно. Во-первых, бригадир был прав, а во-вторых, ему, по большому счету, было глубоко наплевать на это пятиминутное опоздание так же, как и на все остальные. У бригадира хватало проблем и поважнее, чтобы серьезно обращать внимание на такую мелочь. Но, как говорится, положение обязывает, и он просто констатировал факт.

– Поедешь с Кологреевым на Южное шоссе. Рубка кустарника. Иди на склад, он должен быть там.

До Сашки не совсем дошло, кто же там уже был – кустарник или Кологреев, но он не стал особо задумываться над этим, а только снова равнодушно кивнул. И побрел туда, куда было указано.

Леха Кологреев, тоже молодой двадцатитрехлетний парнишка с вечной ухмылкой на лице, действительно дожидался его возле открытых ворот склада. Сашка протянул ему руку, после чего выдал из себя вопрос:

– Чё надо-то?

Леха умудрился его понять и с усмешкой ответил:

– Да ладно, пошли. Я уже все взял. Осталось только зацепить водилу, и можно приступать к совершению очередного трудового подвига.

Он сунул в руки Зенцову маленький топорик и зашагал в сторону автопарка. Сашка совершенно не был готов к совершению каких бы то ни было подвигов, но делать было нечего, и он уныло побрел за ним.

Лавируя между кузовами, кабинами и прицепами, они добрались до середины площадки, где Леха остановился, деловито осмотрелся и после всех этих приготовлений, как можно громче, крикнул:

– Мужики! Кто едет в сторону «Южного»?

Возле своих машин вяло, без особого энтузиазма, слонялись водители. Создавалось впечатление, что никто никуда не собирается, и вопрос Лехи канул в пустоту. Однако после небольшой паузы послышался голос Makeева, местного ветерана:

– Ну я еду. А что?

Леха оживился и направился в его сторону.

– Георгич, подбросишь нас?

– Кого это – нас? – недовольно спросил Макеев, протирая фары своего бортового «ГАЗика».

– Меня и Зенцова, – ничуть не смущаясь, бодро ответил Леха. – У нас там расчистка обочин.

– Так: это ж вас забирать потом, – пробурчал Георгич, но секунду спустя тихо улыбнулся в усы и добродушно сказал:

– Ладно, довезу. И куда вы – молодняк, без нас – стариков?

Потом, спохватившись, озабоченно добавил:

– Только в кабину вдвоем вы не влезете.

– Ерунда, – махнув рукой, успокоил его Леха. – Сегодня вовсе не холодно, скорее даже наоборот, так что мы в кузове поедem.

– Хорошо, – Макеев, побряхтывая, полез в кабину, – забирайтесь быстрее. Мне еще надо на заправку заехать.

– Как скажешь, шеф, – отсалютовал ему Леха, перелезая через борт и помогая проделать ту же операцию Сашке.

От езды в кузове Сашке несколько не стало лучше. Трясло в нем еще похлеще, чем в автобусе. Правда, один приятный момент в виде воздушного, обдувающего мокрое от похмельного пота лицо, потока все же имелся. По крайней мере, в голове хоть немного прояснилось.

Георгич довез ребят до нужного места, где они вылезли на обочину.

– Полпятого заберу, – крикнул Макеев напоследок, приоткрыв дверь, и уже через минуту его «ГАЗ» скрылся за поворотом.

Оглядевшись по сторонам, Леха попробовал пальцем лезвие топора, после чего подмигнул Сашке и сказал:

– Ну что, погнали?

– Может, курнем для начала?

Сашка так тоскливо посмотрел на растущую вдоль обочины поросль кустарника и березняка, что Леха не выдержал и расхохотался.

– Что, здорово перебрал вчера?

– Да, уж, это точно, – Сашка тяжело опустился на землю и достал из кармана пачку «Примы». Шум в голове немного поутих, но зато все тело продолжал сотрясать противный похмельный озноб. Ну какая тут, к черту, может быть работа? Сашка тяжело вздохнул и выпустил в небо струю дыма.

Он не сразу и понял, что заставило его поперхнуться этим самым дымом. А когда понял, то изумленно раскрыл рот и вопрошающе посмотрел на Леху.

– Ты чего? – в свою очередь удивился тот.

Сашка молча ткнул пальцем в небо, заставив Леху задрать голову и посмотреть в указанном направлении. Когда до Лехи дошло, что именно Сашка имеет в виду, он хмыкнул и поинтересовался:

– Ты что, еще не видел, что ли?

Сашка отрицательно покачал головой.

– Ну ты даешь! – искренне восхитился Леха. – Это лишний раз говорит о том, что слишком много пьянствовать – вредно. Так, глядишь, все на свете пропустить можно.

– И в кого ты такой умный уродился? – вздохнув, поморщился Сашка. – Такой умный, такой умный – аж противно.

– А ты сплюнь, может полегчает, – беззлобно отозвался Леха.

Сашка последовал этому совету, после чего разочарованно покрутил головой.

– Нет, не полегчало, – сказал он в тон Лехе. – Помочь мне может только твое полное исчезновение.

– Я бы с радостью, – отозвался Леха, – только ведь ты сегодня без моей помощи и на пачку сигарет не заработаешь.

– Вот тут ты, зараза, как всегда прав. Опять придется тебя терпеть до конца рабочего дня.

– Гляди-ка, – совсем не обидевшись на «заразу» деланно удивился Леха, – чувство юмора проснулось, значит оживаешь.

– Угу, – буркнул Сашка. – Ты идохлого ожить заставишь.

– Дохлого, недохлого, а таких, как ты, косяками могу к жизни возвращать. Пару раз за живое зацепил и всех делов-то.

– Тоже мне, ангел-воскреситель, – хмыкнул Сашка, но про себя отметил, что эта словесная перепалка действительно немного улучшила его самочувствие.

– Заметь! – Леха поднял вверх указательный палец. – Это не я, это ты меня так назвал. Направление указательного пальца заставило Сашку кое о чем вспомнить.

– Ладно, хорош тебе уже, – тоном, не терпящим возражений, сказал он. – Ты мне все-таки лучше объясни: что это за ерунда там наверху творится?

Леха скосил в сторону неба правый глаз, после чего пожал плечами.

– Ты про это что ли? Так черт его знает. Оно с самого утра такое. Фиолетовое.

– Да я уж и сам вижу, что не зеленое, – веско заметил Сашка. – Ты бы мне лучше объяснил, почему оно такое.

– Я тебе что – синоптик, что ли? – огрызнулся Леха. – Какое уж есть. На нем, между прочим, таблички объяснительной не висело. А если хочешь поточнее узнать, то возьми, да и позвони в компетентные органы. Только вот, правда, не знаю в какие.

– Ладно, ладно, – успокаивающе произнес Сашка. – Чего ты так разбушевался? Уже и поинтересоваться нельзя.

– Отчего же нельзя? Можно, – миролюбие вернулось к Лехе моментально. – Только если с умом.

Сашка хмыкнул, достал новую сигарету и стал разглядывать небо, пытаясь отыскать границу фиолетового. Однако если она где-то и была, эта граница, то искать ее следовало определенно только за линией горизонта. Больше всего Сашку удивляло то, что на солнечном свете это никак, не отражалось. Он был таким же ярким и вездесущим, каким ему и положено быть в безоблачный весенний день. «Каких только чудес в природе не бывает», – подумал Сашка. Надо, же – фиолетовое небо! И с чего бы это, собственно говоря?

– Слушай! – Леха оторвал его от созерцания этого чуда природы. – Ты, наверное, ночью так крепко спал, что и не слышал ничего?

Сашка кивнул головой.

– А что было ночью? – абсолютно серьезно поинтересовался он.

Леха недоверчиво усмехнулся и протянул:

– Ну ты вообще – кадр! Тут часа в три ночи такой переполох был, что и мертвый, наверное, поднялся бы.

– Ты можешь не тянуть резину? – Поторопил его Сашка.

– Могу, – честно признался Леха. – Так вот, в три часа ночи все городские собаки, понимаешь, решили устроить концерт хорового пения. Это было нечто! Ты, между прочим, многое потерял, если не слышал. У меня маман чуть всю ночь в обмороке не провела, до того они жутко выли. Слушай, неужели ты и в самом деле так крепко спал?

Он вновь недоверчиво посмотрел на Зенцова.

– Да говорю же тебе, что не слышал ничего, – проворчал Сашка.

– Да – а – а, – протянул Леха. – Правильно все-таки говорят, что чрезмерное употребление алкоголя пагубно сказывается на всех без исключения органах. У тебя вот уже, похоже, со слухом неладывает.

Сашка пропустил эту реплику мимо ушей.

– Ну и жара! Сейчас бы соку. Яблочного. Литр. Нет, лучше два. Тогда процесс возвращения к жизни можно было бы считать законченным, – решил он сменить тему, грозящую ему новыми подколками, правда, не совсем удачно. Леха тут же воспользовался этим промахом.

– А пивка тебе не налить? – ехидно поинтересовался он. – Говорят, пиво с похмелья лучше помогает.

– Не-ет, – непроизвольно поморщился Сашка. – Если я сейчас пива глотну, то буду блевать дальше, чем видеть. У меня же все-таки живой организм, а не железная канистра.

– Ну, ты меня разочаровал, – протянул Леха. – Я-то думал, у тебя не только глотка луженая, но и все остальное.

– Вот тут ты ошибся, – как-то слишком просто по Лехиным меркам сказал Сашка.

– Ладно, будем считать, что ты меня разжалобил, – усмехнулся Леха. – На, попей, – он полез в сумку и достал оттуда полторалитровую пластиковую бутылку из-под лимонада. – Холодный чай с лимоном. Не сок, конечно, и тем более не пиво, но все же от жажды ты не умрешь. – Только больше половины не пей! На обед хоть немного оставь, – поспешил он добавить, как только увидел, с какой жадностью Сашка припал к горлышку.

Как только Сашка оторвался от бутылки, Леха спросил:

– Так мы сегодня вообще будем работать или как?

– Уф! Хорошо! – Сашка вытер рукавом губы. – Вообще будем. Только вот как?

Леха встретил эту фразу громким хохотом, мотанием головой и постукиванием ладонями по коленям.

– Ты что, заболел, что ли? – участливо осведомился Сашка.

С трудом подавляя приступы смеха, Леха пробормотал:

– Да ты в натуре оклемался. Такие мудрые изречения от тебя не часто услышишь.

– А-а-а, – Сашка махнул рукой. – С таким дураком, как ты, поведешься...

– Ну вот, – Леха, наконец, перестал смеяться, – то слишком умный, то дурак... Ты уж как-нибудь определись.

– С тобой определишься. С тобой так потеряешься, что потом не найдешься.

«А ведь молодец Леха, – внезапно подумал Сашка. – Там пошутил, там посмеялся – все легче. И башка всякой ерундой меньше забивается, не то, что у меня барана мрачного. Сам себе настроение не поднимешь, никто тебе его не поднимет».

– Ну что, работать-то мы сегодня все-таки будем? – прервал этот поток мыслей Леха.

«Ну вот, все хорошее впечатление о себе испортил, » – подумал Сашка и сказал:

– Будем, будем. Чего это ты так распереживался?

– О твоём желудке беспокоюсь, балбес, – отозвался Леха. – Меня, в крайнем случае, папа с мамой подкормят, а вот ты без зарплаты с голоду опухнешь.

– Главное, что не усохну, – буркнул Сашка.

– А может и усохнешь, – задумчиво сказал Леха. – Так что, будем проводить эксперимент или как-нибудь без него обойдемся?

Сашка сделал вид, что напряженно думает, после чего решительно сказал:

– Экспериментов проводить не будем, будем добросовестно трудиться.

– Значит, тогда начнем, – констатировал Леха и первым поднялся с земли.

Взяв в руки топоры, ребята принялись за работу. Поначалу процесс пошел неплохо, но уже минут через пять безжалостно палящее солнце дало о себе знать. Сашка рубил, превозмогая вновь появившуюся пульсирующую боль в висках, чувствуя, как тело судорожной дрожью отвечает на каждый взмах руки. Однако это только заставляло его злиться и с новой силой опускать топорик на тонкие побеги. Как говорится, здоровая рабочая злость – она и в Африке здоровая.

Правда, запала хватило ненадолго. Вскоре Сашка уже весь взмок и немного сбавил темп. Леха сосредоточенно пыхтел рядом. Они прошли всего какой-то десяток метров, и, когда

Сашка посмотрел вперед, на эту бескрайнюю полосу березняка, его захлестнула волна тоски и апатии. Стараясь не поддаваться этому чувству, он продолжал рубить, с тупой монотонностью думая о том, что с пьянками пора завязывать. Вообще-то, он всегда думал об этом, когда его мучило жуткое похмелье, давал себе зарок не нажираться, как последняя свинья. Последнее время он слишком часто зарекался, а вот заходило как раз наоборот. «Неужели я уже законченный алкаш? – вдруг вспыхнула в его голове мысль. – И это в мои-то двадцать четыре?!» От этой мысли его еще сильнее прошиб пот, а сам он, подчиняясь нахлынувшей на него ярости, ожесточенно набросился на кустарник. Тот в ответ, не желая сдаваться без боя, хлестал его по лицу упругими ветками. И с точно такой же силой была по его мозгам мысль: «Не хочешь спиться – надо завязывать». Сашка прекрасно знал истину – все начинается с малого. И то, что сейчас он пока еще не законченный хроник, совершенно ни о чем не говорит. Начиная курить, он думал точно так же – это, мол, все ерунда, захочу – и в любой момент брошу. А не тут-то было. Теперь он просто физически не может представить себя без сигареты.

Перед Сашкиным мысленным взором открылась та пропасть, в которую он с таким рвением катился. Сам. Без посторонней помощи.

«А помнишь ли ты, когда в последний раз книгу или хотя бы газету в руки брал»? – возник в Сашкиной голове обличающий вопрос. «Давно», – последовал короткий чистосердечный ответ.

Сашка не знал, почему все это пришло ему именно сейчас, а не, скажем год назад, когда дело только закручивалось. И ведь причина-то была пустяковая, аж вспоминать не хочется. Ну кинула деваха. Жестоко, правда, кинула, ну так и что с того? Мало ли было у него до нее девиц, которых он сам кидал с не меньшей легкостью? А он, дурак с уязвленным самолюбием, решил отомстить ей, ударившись в веселый загул с выпивкой и девчонками, благо контролировать его теперь было некому – родители уехали в Краснодар, оставив ему квартиру, вполне логично полагая, что он уже взрослый самостоятельный человек. А он повел себя хуже безмозглого пацана. Да и вообще, если толком разобраться, истинная причина его нарастающего пьянства кроется вовсе не в несчастной любви, а в бесхарактерности и слабоволии. Причину-то для самооправдания можно найти какую угодно. Как говорят в народе – был бы повод, да человек хороший. А друзьями после армии он действительно обзавелся самыми, что ни на есть подходящими. Как в известной комедии – мужик говорит женщине-управдому: «Я – его коллега»; а та в ответ: «Ясно, значит – собутыльник». Так смешно, что аж плакать хочется, когда понимаешь, что это – с тобой, и причем серьезно. И помочь-то ведь некому. Нет рядом настоящего друга, который взял бы тебя за грудки и сказал: «Может, хватит? Посмотри-ка на себя в зеркало и хорошенько подумай». А с другой стороны, стал бы он слушать? Как же! Ведь все нормально, все в порядке. Он же умный, он все знает, понимает, чувствует и так далее. Поэтому, если бы и был у него такой друг, то он послал бы его подальше, и все дела. А ведь и посылал. Потому-то и остался в окружении одних «коллег». И что делать дальше, как выпутываться из этого – один Бог знает.

Сашка мрачно сплюнул, впервые осознав всю глубину того, что произошло с ним за последний год. А мысли лезли и лезли, словно гной из выдавливаемого чирья. И чем больше их появлялось на свет, тем легче и одновременно муторнее становилось на душе. Бросив на землю топорик, он сел и нервно закурил сигарету.

– Что, уже опять перекур? – с ядовитой усмешкой поинтересовался Леха.

Сашка не ответил. Он даже толком не расслышал вопроса.

– Святое дело – перекур, – заявил Леха, растягиваясь во весь рост прямо на откосе дороги. – Особенно когда сам не куришь. И здоровье целее, и лишний повод для отдыха имеется. Красота.

– Слушай, а ты на философа учиться не пробовал? – хмуро поинтересовался Сашка, скептически оглядывая Леху с ног до головы.

– А на фига мне учиться? – с совершенно серьезной миной ответил Леха. – Я же ведь и так уже готовый философ.

Сашка промолчал. С самокритикой у напарника все было в порядке.

– Слушай, а чего это ты вдруг так помрачнел? – еле выдержав минуту тишины, спросил Леха.

– Да так, – Сашка зачем-то взял топорик, покрутил его в руках и затем воткнул в землю между ног. – Кажется, мне впервые за долгое время пришла в голову по-настоящему умная мысль.

– Да ты что, правда что ли?! – восхитился Леха. – Да быть такого не может! И какая же, если не секрет?

Сашка посмотрел на него хмуро, но вдруг усмехнулся сам и сказал:

– А вот это уж, извини, не твое дело.

– Не мое, так не мое, – пожал плечами Леха. – Тогда давай быстрее докуривай, и погнали работать дальше. Как говорили работорговцы – пашите, негры, солнце еще высоко.

Солнце действительно было высоко. Медленно, но верно оно поднималось по давно проторенной дорожке к самому зениту фиолетовой выси.

До конца рабочего дня оставалось еще много времени.

Глава 2

Сложив руки за спиной, полковник Гришин стоял возле большого окна своего кабинета, задумчиво разглядывая необычное фиолетовое небо. Он смотрел на него так сосредоточено, словно пытался понять какой-то скрытый смысл, заключенный в этом знаменнии. Сегодняшний день должен стать днем всевозможных знамений, полковник начинал верить в это. Пусть медленно, но чем дальше, тем больше и быстрее он проникался чувством огромной значимости сегодняшнего дня в своей жизни. И не только в своей.

Несмотря на то, что полковник был воспитан на суровых атеистических принципах, впрочем, как и все в этой стране, в глубине души он был твердо уверен в том, что кто-то наверху внимательно следит за суетным копошением на поверхности планеты, и что любое, не укладывающееся в обычные рамки явление следует рассматривать только как знак – предупреждение свыше. Фиолетовое небо, разлитое сегодня над городом, по его глубокому убеждению, можно было отнести именно к таким знакам.

А вообще все началось еще ночью, когда хором завывали все городские собаки, что вообще-то, по всем известным приметам, ничего кроме беды пророчить не может. Что ж, очень даже возможно, что кому-то они и накликали беду, но полковник почему-то был твердо уверен в том, что в его двери эта гостья не постучится. Для него этот вой был скорее сигналом, возвещающим о начале новой эры.

Именно с таким чувством полковник проснулся утром. Он осознал это еще до того, как выглянул в окно, а когда раздвинул шторы и увидел изменившее свой извечный цвет небо, понял, что его чувство никоим образом нельзя назвать случайным.

Кто терпеливо ждет и делает все возможное для достижения своей цели, тот обязательно дождет своего часа. В эту истину полковник верил свято. Еще по дороге на работу в Управление, раскинувшись на заднем сиденье служебной черной «Волги», он думал о том, что когда-нибудь это неминуемо должно было случиться. Рано или поздно. Однако раньше к этому он, пожалуй, еще не был готов, а вот позже его не устраивало. То, что это произошло именно сейчас, когда у него было еще достаточно сил и желания, и уже имелся богатый жизненный и профессиональный опыт, все это, по мнению полковника, тоже являлось очень хорошим знаком. И, хотя, что конкретно подразумевалось под словом «это», он еще ясно не представлял, но шестое чувство подсказывало, что вслед за чередой событий, которые последуют за сегодняшними знамениями, наступит, наконец, момент, которого он с такой надеждой ожидал все эти годы.

Настойчивый стук в дверь, повторенный, по всей видимости, уже не один раз, вывел полковника из состояния задумчивого оцепенения. Он отвернулся от окна, встряхнулся, придавая себе, как и положено, строгий деловой вид и громко сказал:

– Войдите.

Дверь открылась, и в кабинет вошел лейтенант Ковров, выполняющий скромную, если так можно сказать, роль личного адъютанта полковника. Молодой, статный, высокий, всегда одет так, словно готов в любую минуту выйти на парад, он словно напрашивался на то, чтобы его сфотографировали, а фотографию поместили во всех популярных журналах с подписью внизу: «Образец офицера российской милиции». «Девушки, наверное, от него просто с ума сходят», – в который уже раз прямо-таки по-отечески с гордостью подумал полковник о своем подопечном. Когда-то давно он и сам был таким же – молодым и бравым лейтенантом, полным честолюбивых, стремлений и грандиозных замыслов. А, кроме того, у него была цель... Лейтенант тем временем прошел на середину кабинета и бодро отрапортовал:

– Иван Маркович, поступила сводка происшествий за ночь.

– Что-нибудь серьезное есть?

– Нет. Все как обычно.

– Что ж. Хорошо, – полковник несколько разочарованно кивнул головой. – Положи на стол и можешь идти. Хотя, подожди...

Он отошел от окна и остановился возле своего стола, уставившись на лист бумаги, принесенный Ковровым. Тот терпеливо ожидал дальнейших распоряжений начальства. Полковник знал, что адъютант готов выполнить любое его поручение. Не из-за тупости, вовсе нет, а из-за четкого понимания служебного долга. Это радовало полковника и добавляло уверенности в том, что его планам все-таки суждено сбыться. Ковров был для него не просто подчиненным, он был верным соратником, который всегда поддерживал его в замыслах и начинаниях.

Сейчас полковнику ужасно хотелось поделиться с кем-нибудь своими мыслями, и адъютант подходил для этой цели лучше всего. Однако с чего начать, полковник не знал. В голове носились только смутные образы, не имеющие пока четкого перевода на язык слов.

– Что-нибудь нужно, Иван Маркович? – не выдержав затянувшейся паузы, поинтересовался лейтенант.

Если честно, то полковник не ожидал, что его поторопят, поэтому сказал первое, что ему пришло в голову:

– Жарковато сегодня, не правда ли? – он задумчиво посмотрел на лейтенанта и медленно опустил взгляд.

Сбитый с толку этим непонятным полувопросом, Ковров бросил на своего шефа взгляд, полный недоумения. Он уже успел заметить, что полковник с самого утра выглядит и ведет себя как-то странно. Он явно был чем-то здорово озабочен, хотя и старался этого не показывать. Но шила в мешке не утаишь. Чем ближе ты находишься к начальству, тем чутче ты должен улавливать малейшие изменения в его настроении. Лейтенант Ковров, среди прочих, обладал и этим талантом, что однако не помешало ему сегодня находиться в состоянии некоторой растерянности. Не совсем понимая, к чему может привести так странно начавшийся разговор, лейтенант ответил:

– Жарковато, конечно, для середины-то мая, товарищ полковник. С утра было двадцать градусов, а сейчас, наверное, вообще все тридцать.

– Да-да, – полковник кивнул головой. – Я знаю. Для середины мая это действительно необычно.

Ковров пристально посмотрел на своего шефа, пытаясь догадаться, о чем тот думает. Однако раскусить его было не так-то легко.

Так и не поднимая взгляда, полковник продолжил:

– А тебе не кажется, Максим, что сегодня вообще творится слишком много необычного и непонятного?

– Вы правы, товарищ полковник, – после секундной паузы сказал Ковров. – Сегодня и правда происходят странные вещи, но больше всего меня удивляет, я бы сказал даже – пугает, ваше поведение, Иван Маркович. По-моему, вы чем-то сильно обеспокоены.

Вообще-то, это было довольно рискованное откровение, но с другой стороны, оно могло принести определенные плоды. Ковров рискнул и, похоже, угадал.

Полковник по достоинству оценил искренность своего подчиненного.

Подсознательная часть его «я» вынесла вердикт – разговору быть.

– Максим, ты вообще веришь в предназначение человека? В то, что судьба обязывает любого из нас сделать в этой жизни нечто определенное, то, ради чего мы вообще появляемся на этот свет?

По мере того, как полковник задавал эти вопросы, его голова медленно поднималась, и к концу своих слов он смотрел прямо в глаза Коврову. Лейтенант немного замешкался с ответом – подобных вопросов от шефа он явно не ожидал – но потом все же негромко сказал:

– Если честно, Иван Маркович, я об этом как-то особо не задумывался. – Он непроизвольно пожал плечами. – Хотя, конечно, иногда всякие мысли в голову лезут.

Полковник усмехнулся. Его немного позабавила последняя несколько по-детски наивная фраза Коврова. Он еще раз усмехнулся, покачал головой и сказал:

– Присядь-ка, Максим, мне бы хотелось с тобой кое о чем поговорить.

Ковров послушно сел на стул. Пока полковник не спеша обходил стол, чтобы занять свое место в кресле, он напряженно думал о том, что бы все это могло значить. Конечно, разговоры с полковником, имевшие некоторую долю личной откровенности, у него бывали и раньше. А последние полгода шеф вообще довольно частенько делился с ним своими мыслями и планами. И всегда в подобных разговорах он по-отечески называл его по имени. Все это льстило самолюбию Коврова и, кроме всего прочего, сулило быстрое продвижение вверх по службе. Что при этом будут говорить за его спиной, ему было абсолютно неинтересно. Главное, он прекрасно понимал, что от него нужно полковнику, никогда не наглед, всегда соблюдал необходимую дистанцию. А полковнику это нравилось. Для него лейтенант являлся образцом идеального подчиненного. Сообразительный, шустрый, всегда понимающий кто начальник – такие люди на дороге не валяются. Таких людей надо беречь и по возможности приближать к себе, что полковник постепенно и делал. Ковров же прекрасно понимал, что нужно шефу и старался соответствовать этим требованиям. Так как у него это получалось хорошо, дела его шли в гору.

– Разговор у нас с тобой, Максим, будет непростой, – сказал, наконец, полковник, усевшись в кресло и следуя многолетней привычке взяв в руки карандаш.

После таких слов шефа, Ковров непроизвольно напрягся.

– Я вас слушаю, Иван Маркович.

– Это хорошо, Максим, очень хорошо, – непонятно к чему сказал полковник. – Я бы хотел поговорить с тобой как с верным товарищем и толковым подчиненным.

Услышав это, Ковров внутренне вздохнул с облегчением и весь превратился во внимание.

– То, что произошло сегодня ночью, я имею в виду переполох среди зверушек, и то, что мы все увидели утром, это все неспроста. Очень возможно, что совсем скоро мы столкнемся с вещами гораздо посерьезнее. Вещами, против которых все наши прежние методы работы окажутся неэффективными. Нам придется придумывать новую форму работы и лучше сделать это сейчас. К неприятностям всегда следует готовиться заранее.

– Да, но откуда у вас такие предположения, Иван Маркович? – совершенно искренне поинтересовался Ковров. Он был удивлен, если не сказать больше – поражен. Речь полковника походила скорее на предсказание ясновидящего. Причем видящего ясно только в мрачных тонах.

– Сердцем чую, Максим, – просто сказал полковник. – Уж поверь мне так оно и будет. Ведь не зря же я пятнадцать лет следователем проработал. На такие вещи у меня интуиция особая.

Ковров понимающе кивнул. Против такого обоснования возразить было нечего.

– Так что же вы предлагаете делать, Иван Маркович? – спросил он. – С чего начинать эту подготовку?

Полковник ненадолго задумался.

– Да, вот это действительно вопрос непростой. Если бы точно знать чего следует ожидать... Как говорится, знал бы, где упадешь – соломки бы подстелил. Мы же наверняка ничего не знаем. Даже предполагать можем только с малой долей уверенности.

– Так что же все-таки делать? – Ковров был окончательно сбит с толку.

– Особо пока ничего. Будем выжидать, – полковник поднялся из-за стола, Ковров тут же последовал его примеру.

– Выжидать и стелить соломку, где только возможно. Это я опять же образно выражаюсь. Во-первых, необходимо увеличить количество патрулей на улицах. Во-вторых, нужно прове-

сти основательную предварительно-подготовительную работу с личным составом, особенно с теми же патрульными. Когда гром грянет – креститься будет поздно. Нужно морально подготовить людей к выполнению любых приказов, даже самых жестких. Безоговорочному выполнению, потому что, сам понимаешь, если вдруг начнется разброд у нас, то сделать мы ничего не сможем.

– Я вас понял, Иван Маркович. Все необходимые документы будут готовы уже к вечеру. Несмотря на то, что очень многое из слов шефа смахивало на откровенный бред, Ковров почему-то поверил полковнику. А даже если бы и не поверил – это ничего бы не изменило. В любой организации, построенной по военному образцу, приказы не обсуждаются, они выполняются.

– Хорошо, Максим, – полковник добродушно похлопал Коврова по плечу. – Я рад, что ты меня понял. И еще раз запомни – мы должны быть готовы к любым неожиданностям.

– Уже запомнил, Иван Маркович, – Ковров улыбнулся.

– Мне можно идти?

– Иди, Максим, только о деталях нашего разговора...

– Что вы, Иван Маркович! – возмутился Ковров.

Полковник усмехнулся.

– Ладно, ступай. Подготовь все документы.

Когда за лейтенантом закрылась дверь, полковник снова подошел к окну. Фиолетовое небо. Знамение... Он потер ладонями виски. Разговор с лейтенантом действительно помог ему. По крайней мере, сумбура мыслей в голове больше не наблюдалось. Все более или менее стало раскладываться по полочкам. Единственное, чего он опасался – это не покажется ли Коврову, что у него внезапно съехала крыша? Впрочем, в исполнительности адъютанта он несколько не сомневался. И это было главным. «Пусть он думает, что я трижды ненормальный, – подумал полковник. – Лишь бы делал все, как надо. Придет время, а я чувствую, что оно обязательно придет, причем скоро, и он поймет, что я был прав». Эта мысль немного успокоила полковника. Все же выглядеть смешным в глазах приближенного подчиненного, не хотелось.

А ведь есть еще одно дело, которое необходимо сделать как можно быстрее. Желательно прямо сегодня вечером. Да, именно вечером он обязательно поговорит с женой. Нужно убедить ее на некоторое время покинуть город. Пусть съездит в Москву сына проведать. Да и поддержит его заодно – все-таки конец первого курса. Здесь она будет для него лишней обузой. А ему самому придется работать, и работать много. И не получится у него разрываться на части. Ему будет нужна возможность полностью сосредоточиться на одном деле. Так что пусть пока семья будет подальше.

Решив для себя семейный вопрос, полковник вернулся к столу и стал просматривать принесенную Ковровым сводку ночных происшествий. Пятнадцать квартирных краж, два разбойных нападения, одно изнасилование, два убийства... Все как обычно. Чего-то чуть больше, чего-то чуть меньше, чем в другие дни. Общий процент все равно остается неизменным.

Когда он только начинал свою службу в милиции, бывало что его просто приводила в шоковое состояние эта теневая жизнь города, большей частью скрытая от простых обывателей, шли годы, и Гришина временами охватывало отчаяние от осознания того, что его работа практически не приносит никаких видимых результатов. Да, он сам лично гонялся за преступниками, ловил их. И ловил много, все-таки он был хорошим следователем. Потом всех этих преступников судили, давали срок и сажали. Казалось бы, город должен становиться чище, но нет, количество преступлений все время оставалось на одном и том же уровне. Всплески резкого увеличения бывали, и не раз, а вот снижения, медленного постоянного греющего душу снижения, несмотря на все старания, так и не наблюдалось. Впрочем, объясняется все очень просто – на место старых преступников неизменно приходят новые. Это похоже на круговорот жизни и смерти.

Со временем Гришин стал думать, что человеческую природу изменить невозможно. Всегда есть люди добропорядочные и такие, которым все общественные правила и законы до одного места.

А ведь он так страстно хотел навести порядок! Это была не просто мечта, это была главная его цель. Рвение, с которым он работал, помогло ему довольно быстро подняться вверх по служебной лестнице, но и только. Постепенно он привык к тому, что люди постоянно убивают, грабят и насилуют друг друга. Чувства притупились, и стремление хоть что-нибудь изменить в этом мире в лучшую сторону, было похоронено на самом дне души. Полковник думал, что навсегда, но... Оказалось, что это стремление все еще живо, не умерло-таки и теперь, разбуженное непонятной внешней силой, вновь овладевает всем его существом.

Порядок. Спокойствие и порядок в обществе – вот что нужно людям. Он может и должен дать им это. Пусть даже многие из них и не желают того. Все равно придет время, когда все поймут – так было нужно.

«Не сейчас, – подумал полковник. – Еще не сейчас».

Но он был уверен, что это время уже близко.

Глава 3

Громко играла музыка. Да и можно ли такое назвать музыкой? Это больше похоже на рев бензопилы, скребущей металл, вперемешку с грохотом отбойного молотка. Несмотря на то, что музыкальный центр стоял в зале, и все двери были закрыты, ей, здесь на кухне, казалось, что динамики надрываются прямо над ее ухом. «И где он только откопал эту дрянь?» – раздраженно подумала Юля. Включение такой музыки на полную катушку – ни что иное, как один из многих бзиков Бакланова. И когда ему только надоест косить под малолетних подростков? Ведь вроде бы солидный мужик, по крайней мере на вид. Хотя, конечно, не зря есть пословица – у богатых свои причуды.

– Бакланов, да сделай ты хоть чуть-чуть потише эту белиберду! – крикнула Юля безо всякой надежды быть услышанной. Впрочем, если бы он мог ее услышать, она не назвала бы его по фамилии. Он терпеть не мог, когда она так его называла. Хотя иногда она все-таки делала это специально, чтобы позлить его, когда доставал ее вконец. «Господи, когда же он, наконец, соберется и уедет?» – подумала Юля. Ей ужасно хотелось недельку побыть одной. В смысле – без него. Отдохнуть и расслабиться, пообщаться со своими старыми подругами, а не его друзьями, «партнерами по бизнесу» – так он любит их называть. Тоже мне бизнесмены, так, мелкие коммерсантшишки, недавно вылезшие из навоза и теперь кичащиеся своими деньгами, не такими уж, если на то пошло, и большими. Поначалу все это казалось ей забавным, но теперь, через год их совместной с Баклановым жизни, вызывало только внутреннюю неприязнь, усиливающуюся с каждым днем. Дверь на кухню открылась, из-за чего звук, издаваемый магнитофоном, стал еще громче. В образовавшемся проеме между косяком и дверью появилась самодовольно улыбающаяся физиономия Бакланова.

– Ты меня звала, или мне показалось? – осведомился он.

Юля тяжело вздохнула и сказала:

– Игорь, ты же знаешь, как я не люблю, когда эта штукovina так громко орет, Да и как ты сам можешь что-нибудь расслышать в этом грохоте?

– Подожди, сейчас сделаю потише, а то тебя совсем не слышно, – ответил Бакланов и временно исчез.

Юля снова вздохнула и подошла к окну. «Господи, какой же он, в сущности, ребенок, – подумала она. – Ненаигравшийся переизбалованный ребенок. И все друзья у него точно такие же». Взять хотя бы их постоянное хвастовство друг перед другом новыми машинами и любовницами – разве это серьезно? Юля никак не могла понять: как можно, когда тебе уже за тридцать, вести себя словно лихой, не знающий тормозов, подросток. Тинейджер, как сейчас говорят. По ее глубокому убеждению, в таком возрасте мужчина должен иметь солидным не только внешний вид. Конечно, детство живет и проявляется в каждом человеке в любом возрасте, но не до такой же степени!

Тем временем Бакланов добрался до музыкального центра, сделал звук раза в два тише и вернулся на кухню.

– И что ты вообще спряталась здесь, словно мышь в норе, – сказал он, вновь возникая в дверях.

– Догадайся сам, – Юля пожала плечами.

– Не могу, – сказал Бакланов, после чего добавил:

– Так все-таки, что ты мне хотела сказать? Я теперь тебя очень внимательно слушаю.

– Да уже ничего, – спокойно ответила Юля.

– И это все? Ты хочешь сказать, что ради того, чтобы услышать это, я бросил собирать вещи?

– Не так уж много тебе и собирать, – не выдержав, язвительно заметила Юля.

– Я вижу, у тебя сегодня паршивенькое настроение, – к огромному Юлиному удивлению совершенно спокойно сказал Бакланов. – Хотя я тебя очень хорошо понимаю —

я и сам сегодня совершенно не выспался. Однако, как мне кажется, это еще не причина, чтобы срывать на мне злость.

«Ну все, завелся, – подумала Юля. – Сейчас будет нудить минут двадцать, а то и все сорок. До самолета еще полтора часа, время у него есть».

– Ну, я хотел бы услышать, что ты мне на это скажешь? – Бакланов в упор посмотрел на нее.

– Я же тебя столько раз просила: не делай так громко музыку. Особенно такую. Я когда-нибудь от нее точно свихнусь.

Бакланов подошел к ней вплотную и, уверенным движением обняв за талию, легонько встряхнул.

– И что ты разворчалась, словно старуха? Тебе сколько лет вообще? Она тебе наоборот нравится должна.

Не дождавшись ответа, он продолжил:

– Нормальная, между прочим, музыка. После такой сумасшедшей ночи в самый раз настроение поднимать.

– Не знаю, – ответила, наконец, Юля. – Мне она почему-то его не поднимает, а скорее наоборот.

Бакланов резко, она от неожиданности даже пошатнулась, отстранился от нее.

– А у тебя все так. Что нравится мне – тебе почему-то не нравится. Музыка не нравится, хотя для всех остальных она нормальная. То, как я себя веду – не нравится, хотя другим все равно. Друзья – не нравятся. Тебе вообще ничего не нравится. Думаешь, я не вижу? Кстати, я давно хотел у тебя спросить – почему ты живешь со мной? Может, из-за этого? Он широким жестом развел в стороны руки.

Так далеко в своих обвинениях он еще ни разу не заходил. Юлино лицо вспыхнуло румянцем гнева.

– Ты хочешь сказать, что я – проститутка? – спокойным тоном, но с грозными нотками в голосе спросила она.

– Ну почему..., – он на секунду растерялся, но потом внутри него что-то произошло, и он взорвался.

– Ты не проститутка, – тихо начал он, медленно повышая голос. – Ты вовсе не проститутка. Ты гораздо хуже. Я знаю много проституток, да-да, не тарась на меня так, они за полтинник сделают для тебя все и даже больше. А ты живешь на мои деньги и при этом постоянно что-то корчишь из себя. Тоже мне – Белоснежка! Вечно чем-то недовольна. Да ты передо мной на коленях ползать должна за то, что живешь и горя не знаешь! А теперь скажи мне, я тебя спрашиваю: чем ты лучше самой распоследней шлюхи?!

Он уже кричал. Его лицо исказилось от злобы, а изо рта вместе со словами вылетали капельки слюны. «До чего точное выражение – брызгать ядом», – внезапно подумала Юля, и ей, совершенно не к месту, стало смешно. Она изо всех сил пыталась сдержать улыбку, но у нее, по всей видимости, ничего не получилось.

В выражении выпученных глаз Бакланова, смотрящих прямо на нее, что-то изменилось, и он резко замолчал. Впрочем, как оказалось, ненадолго. Просто его легким потребовалась очередная порция воздуха, чтобы выплеснуть новый поток оскорблений в Юлин адрес.

– Ты еще скалишься, сучка?! Да ты знаешь, вообще, что я с тобой сделаю?! Ты что, забыла, кто ты такая, тварь?! Откуда я тебя выкопал?!

Юля стояла напротив беснующегося Бакланова, спокойно глядя ему прямо в глаза. То, что он сейчас говорил, ее нисколько не трогало. «Как же он мне надоел», – с тоской подумала

она. Как ни странно, но ненависти к нему она не испытывала. В конце концов, она сама решила связать себя с ним. Он – такой, какой есть. А вот она... Зачем она пошла на это?

– Во-первых, это не ты меня выкопал, это я сама тебя нашла, – сказала она, когда он опять умолк. – Только вот не догадывалась я, что ты можешь оказаться такой сволочью. А во-вторых, еще ничего не поздно изменить. Если ты меня так ненавидишь, я могу уйти. И ты сможешь спокойно наслаждаться тем дерьмом, которое тебя окружает, – она широко развела руками, копируя недавний жест Бакланова.

Его глаза выпучились еще больше, он хватанул ртом воздух и прошипел:

– Я тебя убью...

Он замахнулся, чтобы ударить ее по лицу, но в последний момент, натолкнувшись на ее невозмутимый взгляд, опустил руку.

«А ведь он – слабак, – с непонятной в данной ситуации жалостью и одновременно злорадством подумала Юля. – Если бы я отшатнулась, он бы меня обязательно ударил». Бакланов прочитал этот приговор в ее взгляде и, шипя от бессильной ярости, выскочил из кухни, хлопнув дверью так, что с резной полки свалился хрустальный бокал, со звонким «дзинь» разлетевшись по полу мелкими осколками.

«А еще говорят, что посуда к счастью бьется», – невесело усмехнулась Юля, устало садясь на стул.

День был безнадежно испорчен. Несмотря на то, что через каких-то полчаса она останется одна в тишине и спокойствии. Тишина и спокойствие – это именно та среда, в которой усиленно растут и размножаются мысли. Часто не очень лестные для себя самой. Например, такая: почему я до сих пор от него не ушла, как обещала? За последние два месяца они уже не один раз ругались вот так по крупному. И в конце каждой ссоры она обещала себе уйти.

Когда они поругались в первый раз, она была по-настоящему близка к этому. Ее память сохранила до мелочей все обстоятельства той стычки. У них на квартире проходила очередная дружеская попойка. Из женщин присутствовала только хозяйка, то есть она сама. У нас даже не особо пьющие мужики пьют известно как – не часто, но зато до полной кондиции. Глядя на них, Юля не заметила, как и сама здорово набралась. В разгаре веселья кто-то из гостей предложил посмотреть недавно ему привезенную суперкрутую порнуху. Что ж, слово гостя для хозяина – закон. Бакланов включил видак, и они стали смотреть, весело хохоча и отпуская необходимые комментарии к особо интересным сценам. Юля восприняла такой поворот в ходе вечеринки совершенно спокойно. Во-первых, она и сама была под хорошим шафе, во-вторых, мужики – они и есть мужики, что с них взять, а в третьих, как говорится, что естественно – то не безобразно. В принципе, ничего из того, что творилось на экране телевизора, ей было не чуждо. Не девочка все-таки. Скандал разгорелся совершенно по другой причине. Распаленные зрелищем мужики стали, забыв обо всех приличиях, коситься в ее сторону, отпуская полушуточки-полунамеки. Поначалу она не подавала вида, что замечает, но минут через пять ей это здорово надоело. А Бакланов, сволочь такая, сидел молча и только пьяно усмехался, как будто, так и надо. Она тоже молчала, злясь про себя на его тупую непробиваемость до тех пор, пока совершенно случайно не перехватила его быстрый взгляд, направленный на нее. Этот взгляд ее убил наповал. Она сразу поняла смысл этого взгляда. Он был готов не просто «поделиться», он был готов отдать ее им, а сам наблюдать за тем, что будет происходить. Конечно, от пьяного мужика можно ожидать чего угодно, но такого... Она ушла и заперлась в спальне, а наутро устроила ему грандиозный скандал. Он делал вид, что совершенно не понимает – о чем это она, зато Юля поняла в тот раз – для него она не больше, чем красивая игрушка, вещь, которой он хочет владеть безраздельно и распоряжаться по своему усмотрению.

Тогда она была готова уйти от него немедленно. Но не ушла. Сказать всегда проще, чем сделать. Уйти просто так, в никуда, почти после года совместной жизни... Она не смогла. Она уже привыкла жить, уходя от острых ситуаций. К тому же, и это было для нее несколько

странно, он не хотел отпускать ее. Когда дело грозило закончиться окончательным разрывом, он приходил к ней сам и просил прощения. Извинялся, умолял, падал на колени. И она прощала и оставалась. Но в душе постепенно накапливались усталость и раздражение такой жизнью.

Юля знала, что так получится и на этот раз. И это было в чем-то даже унижительно знать, что у тебя опять не хватит силы воли изменить свою жизнь...

Бакланов тихо вошел на кухню, прислонился плечом на боковую стенку холодильника и хмуро спросил:

– Ты не имеешь желания проводить меня?

Юля медленно подняла на него взгляд и, хмыкнув, сказала:

– С чего бы это?

Бакланов еще сильнее сдвинул к переносице брови. И совсем уж хмуро поинтересовался:

– Это твое последнее слово?

Юля посмотрела ему прямо в глаза и чуть не расхохоталась. Ну так и есть – перед ней стоит не мужик, а обиженный до зеленых соплей малый ребенок.

– Ну и чего ты молчишь? – поторопил ее с ответом Бакланов.

– А ты еще не понял? – Юля нарисовала на своем лице крайнюю степень удивления. – По-моему, даже и дураку должно быть ясно, что я с тобой никуда не поеду. И еще мне кажется, что ты и до дверей сможешь дойти вполне самостоятельно.

– Ну хорошо, – Бакланов выпрямился. – Когда я приеду, мы с тобой обязательно поговорим на эту тему.

– А что, еще не наговорились? – спросила Юля.

Бакланов молча развернулся и вышел из кухни. На этот раз не хлопая дверями. Юля встала со стула и подошла к окну, слушая раздающиеся из прихожей звуки шагов Бакланова. Похоже, он уже окончательно собрался. Наконец она услышала щелчок замка и поняла – он ушел. Выждав пару минут, она приподнялась на цыпочках, чтобы лучше было видно двор.

Внизу Бакланов стремительно вышел из подъезда, на ходу вытаскивая из кармана брюк брелок сигнализации. Раздалось короткое «У-а-у», после чего Бакланов открыл дверь машины и залез внутрь. Через несколько секунд выхлопная труба «Вольво» выплюнула темное облачко дыма.

Глядя, как машина медленно выезжает со двора, Юля чувствовала такое же медленное наступление внутреннего облегчения.

«Как же все-таки мало нужно человеку для счастья, – с горькой усмешкой подумала Юля. – Хотя счастьем это тоже назвать нельзя».

Она перешла из кухни в зал, села в кресло, откинув назад голову, и закрыла глаза. Скорее бы пришла ночь, и наступил новый день. Может быть вместе с ним что-то изменится.

Наверняка.

Глава 4

День выдался в школе какой-то уж очень ненормальный. Совсем под стать предыдущей ночи. Школьники бегали по рекреациям, возбужденные сверх всякой меры, а учителя наоборот ходили не выспавшиеся, растерянные и, наверное, оттого почти поголовно злые.

На первых двух уроках во всех без исключения классах, независимо от предмета, темы урока и возраста учеников, учителям задавался один и тот же вопрос:

– Почему с утра фиолетовое небо?

На что учителя только разводили руками или бормотали что-нибудь маловразумительное. Еще бы, ведь им и самим хотелось бы знать ответ на этот каверзный вопрос.

Однако после второй перемены старые проблемы вытеснили из голов школяров стремление разгадать тайну необычного феномена. По крайней мере, по отношению к большинству это утверждение являлось верным. А к концу занятий почти все сто процентов школьного населения уже забыли о том, что в мире произошли некоторые изменения.

Жизнь продолжалась. В шестом «В» классе закончился пятый, последний, урок. Мальчишки и девчонки орущей, размахивающей сумками с тетрадями толпой вылетели из кабинета. Духота классов всем уже порядком поднадоела, если не сказать больше. Ребятам хотелось свежего воздуха и свободы движений. Во внутреннем дворике школы буйство немного улеглось, и разбившись на группы – мальчишки с мальчишками, девчонки с девчонками, а далее по интересам и степени дружественности отношений, шестиклассники отправились по домам. Впрочем, так поступили не все. Трое мальчишек-приятелей – Димка, Юрка и Стас, домой явно не спешили. Весь день в школе они заговорщицки перемигивались, и теперь для них наступило время воплотить в жизнь заранее продуманный план.

Свернув за угол ближайшей к школе пятиэтажки, ребята ненадолго остановились.

– Ну что, как договаривались? – спросил Юрка.

Стас и Димка одновременно кивнули головами.

– Тогда пошли, – скомандовал Юрка.

Мальчишки дружно поправили на плечах ремни сумок с учебниками и, молча, быстрым шагом направились к четырехподъездной пятиэтажке времен хрущевского великозастроя, в которой жил Димка. Этот дом они выбрали заранее и вовсе не случайно. Дело в том, что в отличие от новых панелек у этого дома имелась двускатная крыша, и как следствие – огромный чердак.

Ребята зашли в первый подъезд и тихо поднялись на последний этаж. Здесь замок на дверце чердачного люка, к которому вела железная лестница из арматуры был давно кем-то вырван с корнем. В других же подъездах путь на чердак был закрыт.

Первым полез Юрка. Он очень медленно, стараясь шуметь как можно меньше, поднял крышку люка, после чего махнул рукой Стасу и Димке: давайте, мол, за мной. Оказавшись на чердаке, ребята первым делом вернули крышку в исходное закрытое состояние. Опять же без лишнего шума.

На чердаке царил прохладный полумрак. Свет сюда попадал только через маленькие окошки, которых всего-то было штук десять. Из-за этого на чердаке было много мест, куда свет не попадал вообще. Еще здесь было очень тихо. Иногда только слышалось хлопанье голубиных крыльев, да долетал сильно приглушенный, отчего кажущийся далеким, шум с улицы.

Пол чердака покрывал толстый слой птичьего помета вперемешку с пухом, однако мальчишек это нисколько не смущало. Это ж не по коровьим лепешкам ходить, в конце концов.

– Пойдем к окошку, там светлее, – негромко сказал Юрка, однако эхо разнесло звук его голоса по всему чердаку.

– Тише ты, – буркнул Димка, произвольно озираясь по сторонам.

– Да ладно тебе, – Юрка махнул рукой. – Все равно нас никто не услышит.

Несмотря на это заявление, говорить он стал все-таки чуть потише. Пригибаясь, чтобы не стучаться головами о перекладины несущего каркаса, ребята гуськом двинулись к ближайшему окошку, при этом сухие птичьи какашки под их ногами забавно хрустели.

– Ну и засранцы же эти голуби, – с интонацией, претендующей на право называться шутиливой заметил Стас.

Юрка и Димка дружно, но коротко хихикнули. Таинственная и от этого немного страшная обстановка чердака не очень-то располагала к бурному веселью.

Возле окошка мальчишки уселись кружком на корточки, при этом Юрка положил свою школьную сумку себе на колени. Наступил торжественный момент, которого ребята ждали целый день. В школе Юрка категорически отказывался показывать то, что лежало в его сумке.

– Слишком много народу, – объяснял он.

Теперь долготерпение Димки и Стаса было вознаграждено. Юрка медленно, словно совершая таинственный ритуал, расстегнул молнию на сумке, запустил внутрь руку, помедлил еще немного, доводя напряжение своих приятелей до предела, а затем извлек наружу... пневматический пистолет.

– Ого!

– Вот это да!

Хором воскликнули Димка и Стас. Юра всю наслаждался произведенным эффектом. Когда первые бурные эмоции улеглись, Стас деловито заметил:

– Хорошая штука. Почти как настоящий.

– Он и есть настоящий, – обиделся Юрка. – Почти сто баксов стоит.

– Я знаю, что настоящий, – поспешил успокоить друга Стас. – Я имел в виду, что он похож на тот..., ну который пулями стреляет.

– Правда, похож, – поддакнул Димка с таким видом, словно у него дома имелась целая коллекция огнестрельного оружия.

– Еще бы, – самодовольно улыбнувшись, сказал Юрка и с гордостью добавил:

– Он и стреляет – ого-го! С тридцати шагов банку из-под пива насквозь пробивает.

Тут он, конечно, изрядно прихвастнул, однако мальчишки поверили ему с легкостью и согласно закивали головами.

– Да, хорошая штука, – повторил Димка слова Стаса, а тот, решив не терять времени даром, с трепетом в голосе обратился к Юрке:

– Юрик, дай поближе посмотреть.

Юрка секунду колебался, но потом решительно, друг ведь все-таки, протянул пистолет Стасу.

– На, держи. Только осторожней, а не то брат мне ноги оторвет по самую шею. Он же не знает, что я его взял.

– Да не бойся, – заверил его Стас. – Ничего с ним не случится. Он медленно повертел пистолет в руках, поглаживая вороненую поверхность ствола и рукоятки. Однако сделать что-нибудь конкретное – например переломить затвор, он не решался.

– Слушай, а пульки в него как заряжаются: по одной или обоймой? – решил показать свою эрудированность в области пневматического оружия оставшийся не у дел Димка. Вопрос этот не то, чтобы застал Юрку врасплох, но по всей видимости несколько огорчил.

– По одному, – коротко ответил он.

– Жалко, – сказал Димка. – А то есть такие, которыми можно очередями стрелять. Туда газовый баллончик вставляется.

– Да знаю я, – буркнул Юрка.

Димка наконец заметил, что расстроил приятеля, готовящегося уже было забрать пистолет у Стаса, и примирительно добавил:

– Все равно здорово. Лишь бы дальность хорошая была.

– С этим у него все в порядке! – воспрял духом Юрка. – Я же говорил, что он с тридцати пяти метров банку пробивает, как будто так и надо.

Димка и Стас дипломатично сделали вид, что не заметили добавленных к дальнобойности пистолета пяти метров, плюс замены единицы длины. Похоже, Юрка и сам этого не заметил.

– Ну что, постреляем? – спросил он друзей, и услышав в ответ одобрительное:

– Конечно!

– Еще бы! – достал из сумки пачку пульек.

– Свинцовые? – осведомился Стас. – А какие же еще? Пластмассовые только в игрушечных бывают. – Снисходительно ответил Юрка.

Стас понял, что оконфузился, и поспешил отдать пистолет Юрке.

– На. Ты первый.

Юрка взял пистолет, поднялся и деловито осмотрелся в поисках подходящей мишени. Взгляд его задержался на оставленной кем-то и уже изрядно загаженной голубями пустой стеклянной пивной бутылке. Больше ничего подходящего в радиусе ближайших десяти метров не наблюдалось. Стас поймал Юркин взгляд и подбежал к бутылке.

– Куда поставим? – осведомился он.

– Ставь на балку, – сказал молчавший до этого Димка. – До нее отсюда шагов пятнадцать будет. Самое то.

Стас согласно кивнул и водрузил бутылку на ближайший поперечный брус чердачной конструкции. Бутылка оказалась как раз на уровне голов мальчишек.

Быстро вернувшись на место, Стас кивнул Юрке:

– Начинай!

Тот переломил ствол и вставил в гнездо пульку. Встав в позу дуэлянта девятнадцатого века, он прицелился и выстрелил. Раздался еле слышный хлопок и... больше ничего.

– Не попал, – констатировал Юрка, после чего перезарядил пистолет и добавил:

– Темновато здесь.

Следующая пулька все-таки угодила в цель. Бутылка дзинькнула, но не шелохнулась.

– В бок попал. Скрикошетило, – с умным видом прокомментировал Стас. Юрка и Димка согласно кивнули головами, после чего Юрка вставил в ствол третью пульку. В этот раз бутылка не только звякнула, но даже слегка покачнулась. Юрка заметно приободрился и многозначительно сообщил товарищам:

– Любое оружие требует пристрелки. Тем более пневматика.

Несмотря на это оптимистичное заявление, дальнейшая стрельба шла с переменным успехом. Бутылка же оставалась целой и невредимой. После пятнадцатой по счету пульки, Юрка вздохнул с еле скрываемым разочарованием и протянул пистолет товарищам.

– Кто следующий?

Стас бросил быстрый взгляд на Димку и, увидев, что тот как бы безразлично пожал плечами, сказал:

– Давай я.

Юрка отдал ему пистолет, после чего протянул коробочку с пулями.

– Заряжать умеешь? – спросил он.

– Ну конечно! Что за вопросы? – Стас почти обиделся.

– Ну хорошо, тогда начинай.

Юрка сделал шаг в сторону, освобождая приятелю пространство для огневого маневра. Стас тут же этим воспользовался, широко расставив ноги для лучшего упора. Пистолет он держал, сжав рукоять двумя ладонями, на вытянутых вперед руках. Такая позиция ему не помогла – первые три пульки прошли мимо цели.

Юрка заметно оживился. В глубине души он боялся, что Стас окажется лучшим стрелком, чем он. Желая не столько приободрить Стаса, сколько еще раз оправдать свои промахи и увеличить значимость попаданий, он снова сказал:

– Нет, все-таки темновато здесь. Целиться трудно, – он выразительно посмотрел на Димку, пока еще не имевшего возможности лично убедиться в справедливости этого утверждения.

Димка согласно кивнул, так как, собственно говоря, ничего другого ему и не оставалось, а Стас решил переменить позицию для стрельбы. Теперь он положил ствол пистолета на предплечье согнутой в локте и поднятой на уровень груди левой руки. Это дало некоторые результаты – бутылка снова стала звякать от скользящих ударов пуль.

Когда очередь стрелять дошла до Димки, бутылка гордо и несокрушимо продолжала стоять на своем постаменте. Димка в этом плане ситуацию тоже переменить не смог.

Мальчишки упражнялись в стрельбе еще минут двадцать, меняя позы, упоры и расстояние до мишени. В конце концов, когда им это уже почти совсем надоело, после очередного выстрела Стаса бутылка разлетелась вдребезги. То ли ей тоже все это надоело, то ли пуля попала в потверже остальных, то ли Стас оказался настолько метким, что умудрился попасть в пресловутую точку напряжения, имеющуюся, как известно, у всех твердых предметов. После этого удачного попадания, что вполне понятно, Стас выглядел довольнее всех. Самым же недовольным таким исходом поединка с бутылкой, что тоже вполне понятно, был Юрка. Несмотря на то, что пистолет принес он, блеснуть снайперским мастерством ему пока не удалось. Наверное, именно поэтому идея насчет следующей мишени родилась именно у него. Взяв у Стаса пистолет, он несколько раз подбросил его в руке, думая о чем-то, потом зарядил пулю и сказал:

– Бутылка – это ерунда. Гораздо интереснее и труднее стрелять по движущимся мишеням.

Димка со Стасом недоуменно переглянулись.

– Не дошло? – Юрка хитро усмехнулся. – Смотрите. Он бросил беглый взгляд по балкам, быстро прицелился и выстрелил.

В плане попадания выстрел оказался весьма удачным. Один из голубей, что во множестве дремали на деревянной перекладине, нелепо мотнул головой и тут же без лишних движений свалился вниз.

Не ожидавшие такого резкого поворота событий Димка и Стас секунду стояли словно в оцепенении, а потом рванули к тому месту, куда свалился голубь. Юрка, естественно, уже опередил их. Подняв безнадежно мертвую птицу за крыло, он показал ее приятелям и гордо сказал:

– Учитесь, салаги, пока я жив. Вот как надо стрелять!

– Сам ты – салага, – не без некоторой доли восхищения, но больше с обидой за то, что его подвиг стрелка был так быстро переплюнут, пробурчал Стас.

Голубь безжизненно висел в руке Юрки. Пуля попала ему прямо в голову и прошла навывлет. Из ранки небольшим ручейком текла кровь. Она намочила все перья на голове птицы и теперь капельками падала с клюва на пол чердака.

Юрка весь сиял. Он был горд своим выстрелом. Еще бы, ведь он был уверен в том, что ни Стас, ни Димка так не смогут. Неизвестно, как Стас, а вот Димка точно не смог бы. Его до глубины души поразило то, с какой легкостью живое существо превратилось в бессмысленный комок перьев, костей и мяса. На Димку вдруг напала непонятная обида, и ему захотелось треснуть Юрку по башке. Несмотря на то, что он – его друг.

– Ну и на фига ты это сделал? – хмуро спросил Димка.

– А че такого? – Юрка изумленно посмотрел на него. – Их тут вон еще сколько летает. Подумаешь, одним больше, другим меньше.

– Дурак ты, Юрка, – сказал Димка так же хмуро. – А если тебя так же кто-нибудь? А потом скажет – подумаешь, одним больше, другим меньше...

– Ну ты и сравнил! – возмутился Юрка.

– Да брось, Димон. Ты чего, в самом деле? – решил заступиться за Юрку Стас, на что Димка категорично заявил:

– Оба вы дураки.

Юрка бросил мертвого голубя на пол и угрожающе двинулся на Димку.

– Ты чего это? Сам ты, в таком случае, дурак, если хочешь знать!

Стас вклинился между приятелями и скороговоркой выпалил:

– Вы что, сдурели оба, что ли? Из-за какого-то голубя еще подеритесь!

– А чего он дураком обзывается? – возмущенно заявил Юрка. – Если завидует, пусть завидует молча.

– Что!? – Димка аж поперхнулся от праведного негодования. – Ты ж его просто так убил! Он тебе что, мешал, что ли?

– Не, правда, хорош вам уже! – пытался потушить назревающий конфликт Стас. Похоже только, что у него это получалось плохо.

Димка и Юрка незамедлительно перешли к соревнованию в оскорблениях. Неизвестно, чем бы это закончилось, но тут совершенно неожиданно распахнулась дверца люка и послышались чьи-то голоса. Ребята тут же умолкли, моментально позабыв о взаимных претензиях. Юрка быстро подскочил к своей школьной сумке и спрятал туда пистолет. Димка и Стас не менее быстро отбежали в тень, чтобы оттуда посмотреть – кто же решил пожаловать к ним в гости.

Тем временем на чердак, не особо прячась и, по всей видимости совершенно не подозревая о том, что они нарушили чье-то уединение, влезли двое ребят. Стас их тут же узнал – оба жили в его дворе, и к тому же один из них учился в параллельном классе. Второй был на год старше. Первого звали Олегом, а второго Игорем.

Едва только узнав их, Стас облегченно вздохнул про себя. От этих двоих никакого подвоха ждать не приходилось. Они пришли сюда с определенной целью. Стас был просто на все сто процентов уверен в этом.

Заметив, что настороженность в позе Стаса пропала, Димка толкнул приятеля в бок.

– Ты их знаешь?

– Знаю, знаю, – как-то совсем уж беззаботно отозвался Стас, не стараясь понижать голос.

Юрка шикнул на него, но он только махнул рукой.

– Да не бойтесь, эти ничего не сделают, – заявил он.

– Ясное дело, что не сделают, – с ноткой угрозы в голосе заметил Юрка и был по своему прав – численное преимущество было на их стороне.

– Да нет, я не в том смысле, – поправился Стас. – Я про то, что им вообще по барабану – кто мы и чем тут занимаемся. Они же сюда дышать пришли.

– Чего-чего? – переспросил Димка.

– Дышать, – повторил Стас. – Ты что, не знаешь, что ли?

– Да знаю, почему же не знаю, – махнул рукой Димка.

– Ладно, пошли к ним, – заключил Стас. – Пистолет при них конечно все равно светить не стоит, а вот мы сейчас поприкалываемся, когда они нюхнут.

Ребята вышли из тени и направились к новоприбывшим. Те, занятые своими приготовлениями, не сразу услышали шаги, а когда услышали, оба резко дернулись и повернулись в их сторону. При этом у них были такие забавные физиономии, что Юрка, Димка и Стас не выдержали и расхохотались. Один из двоих, Олег, признав среди хохочущих приятелей Стаса, недовольно пробурчал:

– Обалдели вы, что ли? Вы бы еще на цыпочках подошли. Мы, блин, из-за вас чуть весь бензин не разлили.

– А что, «Момент» уже не катит? – еле-еле успокоившие, поинтересовался Стас.

– Почему не катит? – искренне изумился Олег. – Очень даже катит, только сейчас бабок нет, понял? – он выразительно потер большим пальцем об указательный.

– Дешево, зато сердито, – заметил Игорь. – Да и забирает круче. Не веришь, можешь попробовать.

– Да ну вас на фиг, – отмахнулся Стас. – У меня от бензина башка болит.

– Как хочешь, – пожал плечами Игорь.

– Ладно, пацаны, не отвлекайтесь, – сказал Стас. – Мы тут пока рядом посидим, чтобы вам не мешать.

– Угу, – буркнул Олег, уже закончивший последние приготовления – тряпка, намоченная в бензине уже лежала в целлофановом пакете. Натянув пакет на лицо, он принялся глубоко и часто дышать. Через минуту к нему присоединился Олег.

Стас толкнул Димку в бок.

– Ты не видал, какие они по обдышке корки отмачивают?

– Не-а, – пожал плечами Димка.

– А что, правда прикольно, что ли? – поинтересовался Юрка.

– Не то слово, – довольно хмыкнул Стас. – Смотрите, сейчас сами увидите.

Первым «отъехал» Олег, несмотря на то, что начал вторым. Сняв с лица и аккуратно положив на пол пакет, он невидящим стеклянным взглядом посмотрел на приятелей и промычал что-то нечленораздельное. Потом встал, огляделся и вдруг, резко ткнув пальцем в направлении некоей точки, расположенной где-то на полу метрах в пяти от него, еле ворочая языком, пробормотал:

– Ага, один есть.

Пошатываясь, он подошел к тому месту, куда перед этим показывал и, присев на корточки, принялся кого-то или чего-то ловить на полу. Стас не выдержал, хихикнул и сказал ему:

– И чего ты там нашел?

Олег резко обернулся, отчего чуть не упал, и, приставив палец ко рту, пробормотал:

– Тихо ты. Чего орешь? Сейчас все разбегутся.

– Кто? – не выдержал и спросил Димка.

Олег перевел на него невидящий взгляд, при этом его губы медленно растянулись в хитрую улыбку, и чуть ли не по слогам сказал:

– Прикинь, а они зеленые. Маленькие, гады, и зеленые, – он хихикнул, прикрыв рукой рот. Вернувшись к своему занятию, Олег наконец поймал то, что видел только он сам и сделал движение руками, как если бы положил что-то в пакет, если бы он у него был, а потом сжал горловину. – Один есть, пробормотал он и снова встал, оглядываясь по сторонам.

– Вон там, – внезапно сказал Стас и ткнул наугад пальцем. Олег послушно отправился искать в указанном направлении.

– Во выкаблучивает, – довольно захихикал Стас. – Чертиков ловит. У него это коронный глюк.

Юрка и Димка сидели широко раскрыв глаза и рты. Такого они действительно еще не видели.

Когда Олег поймал своего четвертого чертика, свой «приход» словил Игорь. Только у него это произошло не так спокойно, как у Олега. Резким движением отшвырнув в сторону пакет, он вскочил на ноги и, театральным жестом вскинув вверх руку, заорал:

– Нарисуйте мне собаку во всю стену!

Стас, Димка и Юрка чуть не подпрыгнули от неожиданности, а Олег наоборот, присел на корточки и вжал голову в плечи. Игорь тем временем, широко расставив в стороны руки, стал кружиться на одном месте, по всей видимости изображая самолет.

– «Боинг семьсот сорок семь» идет на посадку! – он издал звук, который должен был означать гудение моторов вышеупомянутого «Боинга».

– Второй пилот запрашивает диспетчера. Разрешите посадку! – и он снова загудел.

Это действительно было смешно. То есть, это конечно было глупо, но то, как все это выглядело, было очень смешно. Ребята не выдержали и покатались со смеху.

В это время Олег, оправившийся от испуга, вызванного воплем Игоря, встал и, заикаясь, сказал:

– Чего орешь, придурок? Ты мне всех зеленых распугаешь!

Игорь тут же сложил крылья и направился напрямиком к приятелю.

– А где они у тебя? Покажи.

Олег тут же спрятал за спиной несуществующий пакет.

– Не покажу. Ты их отпустишь, – жалобно, почти плаксиво, пробормотал Олег.

– Да не бойся, не отпущу, – успокоил его Игорь и снова голосом, не терпящим возражений, сказал:

– Дай!

Олег поколебался немного и протянул мнимый пакет Игорю. Тот «взял» его, «раскрыл», потом засмеялся и «вытряхнул» «пакет».

– Дурак, – заявил он и тут же потерял всякий интерес к приятелю. Раскинув руки, он снова принялся изображать самолет. Только теперь он стал бегать по чердаку, завывая и топая так, словно изображал не парящую в воздухе машину, а взбесившегося от прокисшего кокосового молока слона.

Олег же ползал на коленях по полу, пытаясь собрать разбегающихся во все стороны чертиков. Юрка и Стас смеялись, словно припадочные. Димка тоже хохотал, но в глубине души ему отчего-то было не по себе. «Неправильно как-то все это», – думал он, но глядя на дуркующих Олега и Игоря, не мог удержаться от смеха.

Совершенно неожиданно для всех эту клоунаду прервал грохот резко откинутого в сторону люка.

Смех оборвался, как по команде, а Игорь с Олегом моментально замерли, словно играли в детскую игру «Море волнуется раз», более, в общем-то, подходящую для их возраста. Когда в проеме люка показалась голова, все, в том числе и находящиеся в параллельном измерении Олег с Игорем, поняли, что нужно делать ноги.

– Прячемся! – громко прошептал Юрка, и ребята резво разбежались в разные стороны, стараясь как можно быстрее оказаться в самых темных углах чердака.

Олег и Игорь действовали не так быстро, поэтому залезший на чердак мужчина лет сорока успел их заметить и тут же разразился бурным потоком ругани, общий смысл которой сводился к тому, что сейчас он поймает и открутит головы паршивцам, которые топают над его головой так, что сыплется штукатурка. Конечно, в прямом изложении угрозы были ярче и круче.

Веселье закончилось, становилось не до смеха. Продолжая ругаться всякими нехорошими словами, мужчина бросился вслед за Олегом и Игорем. В этом заключалась его главная тактическая ошибка.

Воспользовавшись тем, что тот достаточно далеко отошел от открытого люка, Юрка, Димка и Стас, каждый из своего угла кинулись к спасительному выходу. Держащий за шиворот отчаянно брыкающегося Игоря мужчина слишком поздно понял свой промах – троица уже активно преодолевала ведущие вниз ступеньки чердачной лестницы.

Димка лез последним.

– Закрой люк! – крикнул ему Юрка, находящийся уже на площадке между четвертым и пятым этажами.

Димка добросовестно попытался это сделать, в результате чего тяжелая дверца, которую он не смог удержать одной рукой, захлопнулась сама, при этом довольно ощутимо долбанув Димку по макушке. Не ожидавший такого подвоха, Димка отпустил руку, которой держался за лестницу, и закончил свой спуск в состоянии свободного полета. Приземлившись мягким местом на пол, он подскочил и, схватившись левой рукой за макушку, побежал вниз догонять своих товарищей. Перепрыгивая через две ступеньки, Димка невольно морщился от боли в голове и копчике. Но самое неприятное в этой ситуации заключалось в том, что этот жуткий конфуз умудрился увидеть Стас, и теперь он наверняка расскажет о нем Юрке. Вот они тогда над ним посмеются! Небось похлеще чем над этими токсиками.

Выбежав из подъезда, Димка увидел улепетывающих со всех ног Юрку и Стаса. Сначала он хотел побежать вслед за ними, но потом передумал.

Почесав начавшую выступать на темечке шишку, Димка тихо выругался и пробормотал:

– Труссы несчастные.

Потом немного подумал и добавил:

– А еще друзья, называется.

После чего поправил на плече сумку и не спеша пошел домой.

Глава 5

Во дворе было довольно тихо. В таких старых глухих двориках всегда бывает почти тихо, в любое время суток. Шум с улицы сюда приходит приглушенным и каким-то сглаженным. Он не раздражает, а скорее наоборот умиротворяет и даже успокаивает, убаюкивая, словно колыбельная песня. Особенно вечером. И легкую дремоту двора не нарушают – ни беготня малышни, ни постукивание о старый деревянный стол костяшек домино, которым балуются местные старички, ни шелест листвы больших деревьев, укрывающих двор тенью и делающих его таким родным и уютным...

Ни о чем таком Вадим и не думал. Впрочем, двое его приятелей от подобных мыслей находились еще дальше. Все трое просто сидели на скамейке возле одного из подъездов и откровенно скучали. В шестнадцатилетнем возрасте душе не нужно умиротворение, ей нужно совсем, другое. Почувствовав, что от получасового сидения на жесткой скамейке начинают затекать все мышцы. Вадим потянулся, после чего посмотрел на часы: 18.30. Паленый заметил это движение и, лениво тряхнув своими белесыми патлами, от которых, собственно говоря, и пошло его прозвище, пробурчал:

– А не пора бы нам пора?

– Чего-чего? – недоуменно спросил Бул, следуя примеру Вадима, потянувшись так, что захрустели суставы. Паленый искоса посмотрел на него и пояснил:

– Не пора ли нам чем-нибудь заняться, говорю.

– А-а-а, – протянул Бул и закинул за голову обе руки. – А чем ты займешься, если бабок ни фига нету?

Вернув руки в исходное положение, он показушно вывернул наизнанку карманы своей безрукавной клепанной кожанки.

– Это все и без тебя знают, что нету, мог бы и не уточнять, – лениво пробурчал Паленый. Вадим молчал, до поры до времени, слушал этот невинный разговор. Ему даже было немножко интересно – до чего же они в конце концов договорятся. Хотя, в принципе, он хорошо знал ответ на этот вопрос.

– Сам козел, – непонятно отчего огрызнулся на Паленого Бул и почти мечтательно, совсем без перехода, добавил:

– Хоть бы на один пузырь наскрести...

В отличие от Вадима, Паленый пропустил это добавление мимо ушей. Наверное, его задела первая половина фразы.

– Ты кого козлом обозвал, ты? – не то, чтобы очень ерепенисто, но выражая всем своим видом оскорбленную добродетель, спросил он у Була.

– Не нравится, могу по репе съездить, – хихикнул Бул, демонстрируя Паленому свой немалых размеров кулак.

– Сейчас сам по репе получишь, – хмуро и без особой уверенности в своих словах, скорее для порядка, заметил Паленый. Була это заявление не на шутку рассердило. Он попытался приподняться со скамейки, чтобы показать приятелю где раки зимуют.

– Да я тебе щас...

– Да заткнитесь вы оба! – не очень громко, но весьма внушительно скомандовал Вадим.

Бул недовольно опустил свое мягкое место обратно на скамейку, а Паленый презрительно хмыкнул. Вадим мрачно посмотрел на обоих, после чего повернулся к Паленому и обронил:

– Ты бы много не выпендривался.

Сказано это было без каких-либо особых интонаций, но весьма доходчиво для Паленого. Он снова надулся и что-то пробурчал себе под нос. Вадим сделал вид, что ничего не услышал и обратился к Булу:

– Слушай, ты хоть знаешь, откуда у тебя такое погоняло?

В ответ Бул непонимающе уставился на него и протянул:

– Чего-о-о?

– Бул – от слова бульжник, – невыразительно обронил Вадим.

– Чего-о? – снова протянул Бул, но теперь в его голосе вместе с недопониманием слышалась явная угроза.

– Так, ничего, – снова с безразличием сказал Вадим. – Здоров ты больно.

Бул не нашелся, что на это ответить и промолчал.

Вадим тихонько усмехнулся. Була можно было подкалывать практически безнаказанно, если, конечно, с умом. Здоровенный, как бык, он был, наверное даже тупее того бульжника, от которого пошло его прозвище. Впрочем, несмотря на свою редкую ограниченность, Бул иногда выдвигал очень дельные предложения. Как, например, сейчас. Выпить и вправду хотелось здорово. Сама обстановка прямо-таки шептала об этом.

Тишина, жара, безделье и даже это дурацкое фиолетовое небо над башкой. Все это недвусмысленно говорило о том, что нужно хорошо оттянуться. Но бабок действительно не было после того, как вчера они нехило погудели. Вадим вспомнил вчерашнюю ночь, которую не смогли испортить даже истошные вопли дворняг, и непроизвольно усмехнулся: Надька, дура, до того обкурилась, что решила показать стриптиз. Конечно, так ей и дали самой до конца раздеться. Что-то сегодня ее вообще не видно, наверное здорово ее натерли, теперь отходит. От этого воспоминания в паху у Вадима заломило, а выпить захотелось еще сильнее. Он скосил глаза в сторону дружков. Паленый что-то бубнил про себя с надутой рожей, а Бул сосредоточенно изучал поверхность носка своего правого ботинка. «Птичка ему туда нагадила, что ли? – подумал Вадим. – Как вообще можно иметь какие-нибудь дела с такими идиотами? Всегда все приходится решать за них». Решив, что если не предпринять что-нибудь немедленно, они так и просидят тут до самой темноты, а потом, как бараны, мирно разойдутся по домам, Вадим встал со скамейки и сказал:

– Ну че расселись?! Пошли прошвырнемся.

Бул подорвался так, словно давно только и ждал этих слов. Впрочем, именно так оно и было. Он и сам был готов предложить это, да только не решался. Не имея достаточного количества мозгов, невозможно быть лидером. Зато для любого заводилы он был просто незаменим в качестве правой мускулистой руки. Паленый же поднялся медленно, словно нехотя, продолжая бормотать что-то себе под нос.

– Захлопни пасть, – бросил ему Вадим, и Паленый послушно заткнулся.

– Куда пойдём? – поинтересовался Бул.

Вадим ответил не сразу, так как еще и сам толком себе этого не представлял. Но то, что идти нужно обязательно, он знал точно.

– Куда надо, туда и пойдём, – буркнул он наконец и, засунув руки в карманы своих расклешенных джинсов, направился к выходу из двора. Они прошли в соседний двор, где к Вадиму и пришла в голову вполне конкретная идея. Обогнув нагромождение мусорных баков, и войдя в темноту арки, соединяющей два дома, он жестом остановил компашку.

– Стойте и не вякайте, – мрачно сказал оп парням, нащупывая в кармане текстолитовую рукоятку зонной выкидухи – подарок одного старого кореша. То, что он собирался сейчас сделать, он делал уже не один раз, хотя вполне разумно не злоупотреблял таким способом добывания денег, но все равно в животе возникло чувство, будто кишки закручиваются в один тугой узел. Чувство – неприятное и возбуждающее одновременно.

Они простояли уже минут десять, прежде чем в дальнем конце арки, со стороны улицы, послышались чьи-то шаги.

Вадим весь напрягся, приготовившись.

Шаги приближались. В полумраке Вадим разглядел лицо и от досады выматерился про себя. Потом нарисовал на собственной физиономии широченную улыбку и гаркнул:

– Здрасьте, тетя Соня!

Пожилая полная женщина аж подпрыгнула на месте, чуть не выронив из руки сумку...

– Ах ты паразит! Ну напугали! – испуганно-возмущенно пролепетала она, круглыми глазами пытаясь разглядеть что-нибудь в полумраке арки. Впрочем, в этом не было особой необходимости, потому что уже по голосу она определила, кто перед ней стоит.

– Я вот вашим родителям пожелаю, – не особо уверенно пригрозила она, справившись с испугом, но не останавливаясь, так как знала – этой шпане никакие угрозы не указ.

Вслед ее быстро удаляющимся шагам раздался приглушенный смех, а затем опять наступила тишина. Время тянулось словно резиновое. Прошло еще минут десять, и Вадим начал нервничать по настоящему. Так было всегда, он прекрасно понимал это, но тем не менее ему хотелось, чтобы все это побыстрее закончилось. Ожидание, тем более такое ожидание – это очень большая трата нервов даже для закоренелого бандита. Вадим же подобной закоренелостью даже при всем желании похвастаться не мог. Он был только начинающим, если так можно сказать, любителем.

Но вот снова со стороны улицы раз дались шаги. Размеренные и уверенные. Вадим внутренне подобрался – возможно, это именно то, чего они ждали. Шаги принадлежали мужчине средних лет в сером плаще. Вадим его явно не знал, поэтому, отойдя от стены арки, он остановился перед ним, преграждая путь, и сказал:

– Мужик, закурить не будет?

Мужчина остановился, посмотрел на стоящего перед ним парня и... ничего не ответил. Обычные, вполне нормальные люди так не поступают. Они отвечают либо испуганно, либо грубо. Этот же просто промолчал. Совершенно не ожидавший такой реакции на свои слова Вадим немного, совсем чуть-чуть, но все же растерялся.

– Ты что, мужик, глухой, что ли? – пытаясь придать голосу как можно больше грозности, поинтересовался Вадим.

Мужчина снова не ответил.

«В натуре он глухонемой, что ли?» – подумал Вадим, стараясь поймать его взгляд. Когда же ему это удалось, несмотря на сумрак, то он сразу же почувствовал пустоту в желудке. Тип, стоящий перед ним, явно не принадлежал к числу нормальных людей. Он преспокойно разглядывал Вадима, словно перед ним стояло какое-то жалкое насекомое – неторопливо и равнодушно. Буквально на секунду Вадима охватило чувство гнева. Но уже в следующую секунду оно бесследно исчезло, и он непроизвольно поежился, покрепче сжав в кармане рукоять выкидухи. Он как-то сразу понял, что на самом деле почему-то боится этого ненормального мужика. Но отступить было не в его правилах, особенно в таких случаях, как сейчас, когда на тебя смотрят твои же дружки, ведь это полный крах авторитета. Поборов в себе дурацкий страх, он решил не тянуть резину и перейти к главному вопросу.

– Слушай, мужик, хорош выпендриваться, мать твою. Гони бабки и шлепай дальше. Вадим выплюнул эти слова в лицо мужчине, совершенно не представляя, что же ему делать дальше, если тот снова промолчит. Мужчина действительно не проронил ни звука. Он только как-то странно склонил голову на бок, как это обычно делают маленькие дети, столкнувшись с чем-то не совсем для них понятным, при этом безразличное выражение, написанное в его холодном взгляде, нисколько не изменилось. Вадима это доконало.

– Гони бабки, падла, иначе порежу! – заорал он с истеричными нотками в голосе, выхватывая из кармана нож. Нажав на кнопку и увидев тусклый блеск выскочившего лезвия, Вадим почувствовал себя увереннее. Рукой с ножом он сделал запугивающий выпад в сторону мужика. Тот быстро отступил на один шаг, однако голова его так и не изменила своего положения, а губы так и не раскрылись для того, чтобы что-нибудь произнести.

«Точно – чокнутый», – подумал Вадим и обматерил про себя все, что только можно за то, что им попался именно этот придурок.

– Да оставь ты его, пусть себе валит дальше, – подал голос Бул, которому, похоже, надоело наблюдать эту комедию. Немного подумав, он добавил:

– Или дай, я с ним разберусь. – Это предложение подействовало на Вадима как иголка, загнанная под ноготь.

– Заткнись! – огрызнулся он, сделав шаг навстречу мужику и продолжая сжимать в вытянутой руке нож.

– Мужик, гони бабки и разойдемся по хорошему, – сказал он и вдруг почему-то, совершенно неожиданно для себя, добавил:

– Нам много не надо.

Сказал, и тут же понял, что ляпнул лишнее. В сложившейся ситуации подобные слова не могут принадлежать настоящему заводиле. Вот если бы их произнес Паленый, то это было бы не страшно, а так... Нужно было срочно исправлять положение, и Вадим сделал то, на что в любой другой ситуации никогда бы не решился.

– Получи, козел! – рявкнул он и, размахнувшись, косо полоснул ножом по плечу незнакомца. Тот отшатнулся и посмотрел на порезанный рукав плаща, который стал медленно окрашиваться в красный цвет по краям разреза. Самое дикое заключалось в том, что даже сейчас мужчина молчал, словно рыба. Так – просто не бывает! Несколько секунд стояла напряженная тишина, хотя Вадиму казалось, что его сердце бухает на все пространство арки. Все еще вытянутая вперед рука с ножом дрожала так, будто он только что проснулся с великого перепоя. В его голове билась только одна мысль: «Я сделал это, я это сделал...» Вот только было совершенно непонятно, что же делать дальше?

Внезапно затянувшуюся уже тишину разорвал дикий визг. Вадим обернулся так резко, словно его хорошо потрянуло током. Визжал Паленый. Сначала Вадим подумал, что у того ни с того ни с сего поехала крыша, но когда он увидел, что тот от чего-то отпихивается, и когда разглядел, от кого тот отпихивается, по его спине потекли липкие струйки холодного пота.

Паленый продолжал брыкаться, но визг его оборвался – видно в легких закончился воздух.

Во вновь наступившей тишине Вадим услышал шорох от сотен бегущих по асфальту лапок. «Бачки... Мусорные бачки...», – подумал он. Ужас пригвоздил его к месту.

Бул повел себя совершенно иначе. Глухо вскрикнув, он бросился бежать в сторону улицы. Пробегая мимо Вадима, он задел его плечом. Это помогло Вадиму очнуться. Он тоже хотел побежать, но было уже поздно.

Три здоровенные твари прыгнули на него одновременно. Тройной толчок в грудь сбил Вадима с ног. Падая на спину, он попытался закрыть руками лицо. Он начал кричать, но удар об асфальт выбил весь воздух из его легких. Вадим почувствовал, как вцепились в его грудь острые коготки, а затем три хищно распахнутые крысиные челюсти с лязгом сомкнулись на его горле. Словно со стороны услышал Вадим хруст разрываемых на куски мышц и хрящей. Это был последний звук, услышанный им в этом мире.

Бул так и не добежал до улицы. Не меньше двух десятков крыс кинулись на него со всех сторон. Острые зубы впились в его ноги, руки, живот. От пронзившей все тело боли он завертелся волчком и упал на асфальт. Тут же несколько крыс бросились к его голове. Почувствовав их возле своего лица, Бул хотел истошно завопить, но его крик умер еще в глотке, так и не успев родиться.

Под аркой снова наступила тишина. С того момента, как Вадим ударил ножом странного мужчину, прошло не больше трех минут.

Мужчина в сером плаще постоял еще немного совершенно неподвижно, словно прислушиваясь, а затем склонился над телом Вадима, распластанном на грязном асфальте. Раскину-

тые в стороны руки еще конвульсивно дергались, но глаза его уже закатились. Из разодранного в клочья горла фонтаном била темная кровь, Она собиралась лужицей вокруг запрокинутой головы, густея и сворачиваясь в комочки прямо на глазах.

Мужчина медленно провел пальцами по порезу на собственном плече. Там тоже была кровь, и она тоже была настоящей.

Он выпрямился и уже собирался уйти, но тут его внимание привлек валяющийся на земле нож. Он поднял его, повертел в руках, разглядывая так же равнодушно, как до этого тело, лежащее у его ног, и потом бросил на асфальт рядом с мертвым Вадимом.

Больше ничего интересного здесь не было.

Развернувшись, мужчина решительными шагами вышел из арки и смешался с толпой прохожих, заполнившей вечерний город.

Часть 2

Глава 1

Сытин вышел из домика диспетчера и, остановившись на деревянном крыльце под небольшим козырьком, не спеша закурил сигарету. Облокотившись на перила, он стоял и курил, легкими движениями указательного пальца сбрасывая пепел с кончика сигареты вниз на молоденькую, еще не успевшую разрастись буйным цветом, траву.

«Май – это хорошо, – думал Сытин. – А то, что он в этом году такой теплый – вдвойне хорошо. Хотя, вообще-то, жарковато для мая. Если погода не подкачает и в июле будет такая же жарница – то это просто здорово».

По графику у Сытина в начале июля намечался отпуск, и он хотел провести его с женой и дочкой как следует. А любому лесному ежу понятно, что для простого российского работяги лучший отдых во время летнего отпуска – это безмятежное загорание на пляже. Пока не надоест. А надоест может не скоро.

Конечно, все это весьма примитивно, и Сытин, например, был бы очень даже не против насыщенной культурной программы во время отпуска. «Да вот только с нашими ли днягами и возможностями вся эта культура?» – в который уже раз за последние лет пять подумал Сытин и вздохнул. Спору нет, хотелось бы в этой жизни еще что-нибудь кроме работы и отдыха на пляже раз в год. Да и то не каждый год. Очень хотелось бы. Да вот только почему-то не получается нарушить сложившийся ритм жизни. Самое смешное, что кто-то другой – хоть правительство, хоть начальство, хоть самый распоследний мент, если ты ему чем-то не понравился, могут это сделать за тебя. А вот сам – никак.

Сытин щелчком выкинул окурочек и еще раз вздохнул. Чем ближе отпуск, тем меньше хочется работать. В душе такое ощущение, что тебя самым наглым образом кто-то обманывает, и на самом деле тебе уже давно пора отдыхать. Для рабочего настроения хуже нет этого времени – месяц до и месяц после отпуска. Знаешь – что работать надо, а не хочется. Хоть убей – не хочется.

Подумав немного, Сытин достал из кармана пачку и закурил еще одну сигарету. Ничего, работа не волк, в лес не убежит. Его напарник Витя Тетерин – очень любит говорить по этому поводу так: «Если хочешь поработать – ляг, поспи, и все пройдет». И ведь железно следует этому правилу, гад. Вот и сейчас – дрыхнет себе в тишине и прохладе, и ни о чем у него голова не болит. Да и с чего бы ей болеть? Парень молодой, не женатый. Если только с похмелья.

Сытин усмехнулся этой мысли и посмотрел на часы. Да, как бы ни было тошно, а идти придется. За задержку начальство по головке не погладит.

Спустившись с крыльца, Сытин тут же лишился тени от козырька и подумал: «Нет – все-таки это слишком жарко. Просто ненормально жарко. Так же ненормально, как фиолетовое небо».

Сощурившись так, что ресницы соединились в тонкую сетку, он посмотрел на солнце. Лицо обдало волной жара, будто он сунул голову в мартеновскую печь. Пекло немилосердно. Яркое палящее солнце и фиолетовое, чистое-чистое небо – вот и все, что было над головой. «Хоть бы какое облачко пробежало, так нет же – чисто, – подумал Сытин. – И цвет этот дурацкий. Неужели он на все лето таким останется?»

Еще раз взглянув на часы, Сытин снова вздохнул. Все, дальше тянуть резину уже не рекомендуется. Думы – думами, а работа есть работа. Пора уже идти снимать показания с приборов. До самой газораспределительной станции от домика диспетчера было метров двести. Всего, вроде бы, ничего. Но сегодня они казались Сытину невообразимо длинными.

Во многом в этом была виновата, конечно, жара. Все-таки ходьба под палящим солнцем на открытой местности – занятие малоприятное. Но кроме этого было еще что-то, а что именно, Сытин никак не мог понять. Нет не просто так он тянул время. Что-то, какая-то сила задерживала его здесь, возле крыльца домика диспетчера. Она словно говорила ему: подожди немного. Но больше ждать он уже не мог – график.

Надвинув козырек кепки пониже на глаза, чтобы солнце не так слепило, Сытин зашагал к станции, чувствуя, как проминается под ногами плавящийся от жары асфальт дороги. «Что же сейчас в городе творится, ё-моё», – подумал Сытин.

Сначала он шел медленно, совершенно не торопясь, но где-то на полпути солнце победило дурные предчувствия, и ему захотелось дойти до станции быстрее. Он прибавил было шаг, но буквально через несколько метров снова притормозил. От жуткого пекла ноги были словно ватные и на то, чтобы передвигать ими требовалось прилагать огромные усилия.

Дойдя до калитки ограды, Сытин ненадолго остановился и огляделся. Ничего подозрительного он не заметил. Да и что такого необычного он мог увидеть? «Все. И в правду заработался, – думал он, закрывая за собой калитку. – Действительно уже пора в отпуск. Недельку поваляться на пляже, и нервы будут как новенькие».

Сытин, как и положено, обошел станцию по периметру, производя визуальный осмотр труб всевозможных размеров, стелящихся по земле и изогнутых арками и сепараторами. Только после этого, с некоторой долей зависти подумав о напарнике, который остался валяться на диване в домике диспетчера, Сытин открыл дверь приборной. Она, как и всегда, подалась с трудом, при этом заскрипев так, что противно занули зубы. «В который раз масло забываю принести», – подумал Сытин и вошел внутрь.

Здесь было прохладно. Здесь вообще всегда держалась одинаковая температура – что зимой, что летом – семнадцать – восемнадцать градусов. В этом заключалось самое главное и, пожалуй, единственное достоинство приборной для операторов.

Сытин вытер со лба пот, немного отдышался, после чего подошел к столу, стоящему в правом углу, и открыл журнал. Найдя нужную страницу и записав число и время, он стал снимать показания с термометров и датчиков давления, которые торчали из множества труб. Те, в свою очередь, вырастали из бетонного пола, выгибались, а затем снова уходили в пол. Эта большая хитросплетенная и слегка гудящая от идущего внутри них газа масса «железных червей», как называл про себя трубы Сытин, занимала всю центральную часть зала приборной.

Сытин торопился – подходил к прибору, записывал данные, после чего сразу же шел к следующему. Он нигде не задерживался. Да и зачем? Как обычно, все было в пределах нормы. За долгое время работы диспетчером Сытину еще ни разу не приходилось фиксировать какие-нибудь отклонения и принимать соответствующие меры. Хотя, говорят, иногда такие ситуации все-таки возникали. Сытину же в этом плане пока везло. Вот и сейчас все было нормально, и ему оставалось только делать в журнале необходимые пометки.

Как раз в тот момент, когда он уже записывал последнюю цифру и готовился закрыть журнал, послышался скрип открываемой двери.

Сытин поднял голову, ожидая увидеть физиономию напарника, и уже приготовил фразу типа: «Что приперся, чудака на букву „м“?»; но вместо этого в дверном проеме показался какой-то незнакомый мужчина, несмотря на жару одетый в длинный серый плащ.

«Вот оно...», – с нехорошей интонацией пронеслось в голове у Сытина.

Мужчина стоял в дверях и деловито осматривался. Сытин, в свою очередь, рассматривал его. «Он что – чокнутый, в такую погоду ходить в плаще»? – наконец подумал он и спросил:

– Как вы сюда попали?

Мужчина бросил мимолетный равнодушный взгляд в его сторону и, словно не заметив стоящего перед ним человека, по-деловому вошел в приборную. Дверь за ним со скрежетом закрылась.

Сытин опешил до такой степени, что смог только уставиться на вошедшего, широко раскрыв рот. Кем бы этот мужик ни был, вел он себя нагло. Сытин почувствовал, как в нем поднимается волна праведного гнева на проявленную по отношению к нему бесцеремонность. Когда эта волна достигла критической высоты, Сытин вышел из-за переплетения труб и грозно спросил:

– Кто вы, и как вы сюда попали?

Мужчина вновь не обратил ни на вопрос, ни на самого Сытина абсолютно никакого внимания. Он стоял, пристально разглядывая трубы с торчащими из них манометрами.

Это была уже не просто наглость, а чистейшей воды борзость и хамство.

«Да ты, я смотрю, мужик, совсем нюх потерял», – зло подумал Сытин и, решительными шагами подойдя к наглецу, дернул его за рукав плаща.

Мужчина медленно повернул голову и посмотрел на Сытина черными бездонными глазами. Помимо своей воли, только потому, что эти глаза оказались прямо напротив и совсем рядом, Сытин заглянул в открывшуюся его взору глубину, и на мгновение ему показалось, что отключается сознание.

Отпрянув от незнакомца, Сытин пробубнил что-то себе под нос, чувствуя предательскую дрожь во всем теле от только что пережитого психологического шока. Все его негодование по отношению к мужчине сменилось пугливой растерянностью.

– Выйдите... Пожалуйста... – выдавил он из себя, с удивлением слушая свой внезапно осипший голос.

Еще немного постояв, разглядывая приборную, мужчина неторопливо развернулся и направился к двери, словно понял смысл обращенной к нему просьбы. Хотя может, он просто увидел уже все, что ему было нужно.

Сытин несколько секунд топтался в нерешительности, приходя в себя, а потом побежал вслед за незнакомцем, дрожащими руками доставая на ходу из кармана пачку сигарет. Курить на территории станции строго запрещалось, и все диспетчеры старались строго следовать этому правилу. Но сейчас Сытину было на все это глубоко наплевать.

Нервно закурив, обматерив при этом вполголоса зажигалку, не хотевшую зажечься с первого раза, Сытин догнал мужчину в плаще и засеменял за ним, словно преданная собачонка. Он никак не мог понять – что творится в душе? Взгляд в глаза незнакомца был сродни удару обухом по голове. Мысли путались и разбегались в разные стороны. Казалось, что он, то нашел истинную, то совершенно потерял хоть какую-нибудь суть всего происходящего.

«Это сон. По крайней мере это очень похоже на сон. Дурной сон», – думал Сытин. А где-то в самой глубине сознания билась в истерике и вопила другая мысль: «Беги, быстрее беги отсюда»!

Но Сытин не послушал ее и последовал за мужчиной. Может, это сказывалась служебная дисциплина, ведь на территории станции ни один посторонний не может находиться без сопровождающего.

Тем временем мужчина деловито, по-хозяйски, обошел все пространство внутри ограды станции, и Сытин про себя сказал «спасибо» проектировщикам, благодаря которым она имела скромные размеры – всего-то пятьдесят на семьдесят метров. Остановившись возле выхода из земли отвода от магистральной трубы, мужчина долго ее разглядывал, и у Сытина в который раз возникла мысль: «А что же ему все-таки здесь нужно»?

Задавая себе этот вопрос, он понял, что начинает по-настоящему приходить в себя. Осознав это, он несколько запоздало подумал: «А не позвонить ли напарнику»? Однако оставлять мужчину даже на несколько минут одного было неразумно и... страшно. По крайней мере, так казалось Сытину. Впрочем, он очень сильно сомневался в том, что сможет помешать незнакомцу, если тот вдруг захочет что-нибудь сделать. И все-таки... Уголек окурка обжег Сытину пальцы. Он отшвырнул в сторону обугленный фильтр и тут же закурил новую сигарету, напрядя

женно следя за действиями мужчины. «Когда же он уберется отсюда»? – тоскливо подумал он о странном незваном госте. Но высказать ему это предложение вслух – не решался.

Мужчина еще раз обошел станцию, а затем снова вернулся к отводу. Остановившись в двух шагах от трубы, он вытянул в ее сторону обе руки и замер.

На долю секунды в душе Сытина промелькнуло искреннее любопытство. «Что бы это могло значить»? – пронеслось в голове. Ответа на этот вопрос не было, поэтому он сразу же забыл о нем.

Несколько бесконечно долгих минут, страдая от палящих лучей солнца, переминаясь с ноги на ногу, Сытин наблюдал за неподвижно стоящим мужчиной. «Когда же ты наконец свалишь отсюда, черт бы тебя побрал»? – снова подумал он.

И мужчина, словно прочитав его мысли, опустил руки и, оторвав взгляд от трубы, резко развернулся и зашагал к калитке. Сытин сделал было несколько шагов вслед за ним, но внезапно остановился.

Пахло газом.

Впрочем, газом здесь пахло всегда: без утечки в таком месте не обойтись. Однако сейчас запах был особенно силен.

Маленькая колония бактерий феррофагов, живущая на одном из вентилях, за несколько минут претерпела немыслимое количество мутаций в результате которых появился устойчивый вид, размножающийся со скоростью, просто недоступной человеческому пониманию. Обновленная колония за секунды увеличилась в сотни тысяч раз и продолжала увеличиваться. Маленькие твари, невидимые невооруженным глазом, окисляли железо, получая при этом необходимую энергию, и размножались. У любого микробиолога моментально бы съехала крыша, если бы он хоть немного понаблюдал за этим видом в микроскоп.

Однако Сытин не был микробиологом и под рукой у него не было микроскопа. Он не мог разглядеть причину, но зато очень хорошо видел следствие – пятно бурой ржавчины, прямо на глазах расплзающееся по трубе.

Около минуты Сытин наблюдал за этим процессом и, несмотря на то, что он прекрасно знал, что давление газа в трубе почти шестьдесят атмосфер, до него как-то, уж слишком медленно дошло: «Кажется, сейчас что-то будет...»

Сигарета выпала из его разжавшихся губ. Он совершенно тупо посмотрел на тлеющий огонек и подумал: «Надо бежать!»! Но ноги словно приросли к земле.

Раздалось громкое «Ба – Бах!», и струя газа, вырвавшаяся из лопнувшей трубы, отшвырнула Сытина на добрый десяток метров. К самой ограде. Еще до того, как потерять сознание от удара, у него мелькнула короткая мысль: «Приплыли...»

Затем весь мир вокруг него взорвался ярким сиянием.

Аварийная сигнализация в домике диспетчера коротко тренькнула и тут же заткнулась. Вслед за этим раздался ужасный грохот близкого взрыва. Сам домик диспетчера подпрыгнул так, что Тетерин свалился с диванчика, на котором только что мирно дремал.

За первым взрывом последовали еще два. Не такие сильные, как первый, но все равно, впечатляющие. «Емкости с конденсатом», – машинально отметил про себя Тетерин. Яростный рев вырвавшегося на свободу зверя заполнил все пространство вокруг и внутри черепной коробки Тетерина. Стены, потолок и пол мелко вибрировали от этого сумасшедшего рева. Лежащий на полу Тетерин всем телом ощущал эту вибрацию. Еще ничего не понимая, он встал на четвереньки и несколько мгновений ошалело смотрел на искрящиеся осколки, разбросанные по всему полу – оконные стекла выбило взрывной волной; затем, так до конца и не вникнув в суть происходящего, он, все так же оставаясь на четвереньках, пополз к выходу.

На том месте, где с утра мирно стояла станция, в небо бил огромный столб огня. Вокруг него, словно маленькие детки вокруг папаши-великана, полыхали кострами остатки станции и березнячок, окружающий ограду.

От столба пламени, словно чье-то пульсирующее дыхание, исходили волны жара. Тетерин чувствовал, как они касаются его лица, а затем бегут дальше – в сторону города. Задрал голову вверх, Тетерин увидел, что над столбом огня уже образовалась шапка густого черного дыма. «Очень похоже на ядерный гриб», – как-то отстраненно подумал Тетерин.

Он опустил голову и снова посмотрел туда, где находилась станция. Внезапно его взгляд натолкнулся на фигуру человека в сером плаще. Казалось, он вынырнул прямо из огня и теперь неторопливо шел по дорожке, ведущей от станции к домику диспетчера. За его спиной ревели и бушевало пламя, а он шел так, словно прогуливался воскресным вечером по центральному проспекту.

Тетерин смотрел на мужчину, как на ожившее привидение. «Что за черт? – недоуменно подумал он. – Откуда он здесь взялся?»

Мужчина же просто прошел мимо, даже не заметив стоящего на четвереньках человека с вытаращенными от удивления и ужаса глазами.

Тетерин провожал его взглядом до тех пор, пока тот не отошел уже слишком далеко. Потом он сел на ступеньки крыльца, бессильно положив голову на сложенные на коленях руки.

А с неба посыпались черные хлопья. Формой они были очень похожи на снег, который бывает зимой в относительно теплую и совершенно безветренную погоду.

Черные хлопья все падали, и в воздухе их становилось все больше и больше. Они падали на асфальт дороги, траву, деревья, домик диспетчера и сидящего на крыльце Тетерина, который равнодушно наблюдал за тем, как этот падающий с неба пепел сантиметр за сантиметром ровным слоем покрывает землю.

Глава 2

Пламя конфорки сначала замигало желтым, а потом медленно погасло. Суп в стоящей на плите кастрюле еще побулькал немного, но вскоре тоже успокоился.

Где-то через минуту после этого, шаркая тапочками по полу, на кухню зашла старушка, чтобы проверить, как идет процесс варки. Почуввав неладное, она заглянула под крышку кастрюли. В жидкости, которая еще немного и стала бы супом, отсутствовали даже малейшие признаки кипения. Покряхтывая, старушка нагнулась и, не увидев под кастрюлей пламени, с пугливой поспешностью крутанула на плите вентиль газа. Оглянувшись по сторонам, словно ожидая какого-либо подвоха, она потянула носом воздух – запаха газа не было. Вздыхнув со смесью облегчения и недоумения, бабуля зажгла спичку и включила газ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.